

Симон ТЕР-ПЕТРОСЯН (КАМО)

ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМОАРЫ

СТАЛИН
МОЙ ТОВАРИЩ И НАСТАВНИК

Симон Аршакович Тер-Петросян

Сталин. Мой

товарищ и наставник

Серия «Запретные мемуары»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25017262

*Сталин. Мой товарищ и наставник / Симон Тер-Петросян.: Яуза-пресс;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-9955-0946-2

Аннотация

Незадолго до своей трагической гибели в июле 1922 года Симон Аршакович Тер-Петросян, известный под партийной кличкой «Камо», закончил книгу воспоминаний об Иосифе Виссарионовиче Сталине, земляке, наставнике и товарище по революционной борьбе.

Обстоятельства сложились так, что рукопись мемуаров впервые увидела свет только в 2013 году, а до этого хранилась в семейном архиве близкого друга Камо, ставшего ее редактором.

Ценность этих воспоминаний в том, что они касаются юных лет Сталина, наименее освещенного периода его жизни, и в том, что автором их является не просто современник Вождя, а его друг и соратник по революционной борьбе, пламенный революционер, которого Владимир Ильич Ленин

называл человеком «совершенно исключительной преданности, отваги и энергии».

Содержание

От редакции	6
Предисловие	9
Детство в Гори	14
Мой репетитор Иосиф Джугашвили	25
Мой промах	43
Подготовка к первомайской демонстрации	51
Любовь и революция	73
Налог с капиталистов	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Симон Тер-Петросян Сталин. Мой товарищ и наставник

От редакции

Незадолго до своей трагической гибели в июле 1922 года Симон Аршакович Тер-Петросян, известный под партийной кличкой «Камо», передал для редактирования своему другу Ираклию Георгиевичу Капанадзе, бывшему преподавателю русского языка и литературы Третьей тифлисской мужской гимназии, рукопись книги воспоминаний о Иосифе Виссарионовиче Сталине, земляке, наставнике и товарище по революционной борьбе. Камо не очень хорошо владел русским языком (когда-то Сталин был его репетитором по этому предмету) и понимал, что его воспоминания, написанные на русском, нуждаются в профессиональной редакции. По плану Камо его воспоминания о Сталине должны были стать своеобразным подарком к 45-летию Сталина, но этому плану не суждено было осуществиться. После гибели Камо рукопись и отредактированный ее вариант остались у Капанадзе. Можно только предполагать, почему Капанадзе не передал ее вдове Камо или в какое-то из издательств для пуб-

ликации. Вероятнее всего, Камо просил не передавать отредактированного варианта никому, кроме него самого, и Капанадзе не считал себя вправе как-то распоряжаться рукописью. Рукопись и ее отредактированный вариант после смерти Ираклия Капанадзе в 1974 году вместе со всем его архивом перешли к дальней родственнице Тинатин Давидовне Майсурадзе (своих детей у Ираклия Георгиевича не было). В 70-е и тем более в 80-е годы в СССР не было возможности для публикации воспоминаний о Иосифе Виссарионовиче Сталине. Если в 70-е его роль в истории СССР и всего мира просто замалчивалась, то в 80-е, на волне так называемой «гласности», имя вождя всячески очернялось. После развала СССР в Грузии сложилась обстановка, в которой также не могло быть речи о публикации воспоминаний Камо. В городе Гори, на родине Сталина и Камо, был закрыт музей Камо, звучали требования о закрытии музея Сталина, а в Тбилиси неизвестные вандалы дважды оскверняли могилу Камо в Пушкинском сквере, что вынудило родственников Камо перенести его прах на Вакийское кладбище и захоронить его рядом с могилой родной сестры Джаваир Аршаковны Хухулашвили (Тер-Петросян).

Ценный архив мог погибнуть на чердаке дома, в котором жила Тинатин Майсурадзе, умершая в 2013 году, если бы не группа местных энтузиастов-историков, собирающая материалы о старом Тифлисе. Найдя воспоминания Камо, они пытались опубликовать их в Грузии, но ни одно из современ-

ных грузинских издательств не проявило интереса к этой поистине бесценной хронике революционной эпохи, следствием чего стала публикация воспоминаний в нашем издательстве. Как говорится, нет худа без добра.

Мы выражаем глубокую признательность Мамуке Гелашвили и Николозу Беридзе за то, что они спасли от гибели и сделали достоянием общественности воспоминания Камо. Ценность этих воспоминаний в том, что они касаются юных лет Сталина, наименее освещенного периода его жизни, и в том, что автором их является не просто современник вождя, а его друг и соратник по революционной борьбе, пламенный революционер, которого Владимир Ильич Ленин называл человеком «совершенно исключительной преданности, отваги и энергии».

Предисловие

По совету Максима Горького некоторое время назад я начал писать автобиографию. Писатель из меня никудышный, но Горький убедил меня в том, что это не важно – для истории важны факты, а не красивые фразы. Я начал писать, но очень скоро бросил это дело. Не от лени, а потому что понял, что сначала я должен рассказать о моем старшем товарище, человеке, который открыл мне глаза и привел меня в революцию – о Иосифе Сталине. Скоро ему исполнится 45 лет – круглая, хоть и не совсем, дата. Я решил убить одним выстрелом двух зайцев – сделать подарок моему товарищу и рассказать о том, что он сделал для революции. Сам он никогда о себе не рассказывает, никогда не хвастает тем, что он сделал для дела революции и продолжает делать. Не такой у него характер, но из-за человеческой скромности не должна страдать историческая правда. Некоторые другие революционеры, называющие сейчас себя «ближайшими соратниками Ильича», не сделали для революции и сотой доли того, что сделал Сталин. Но они на виду, их имена и портреты печатаются в газетах каждый день, а о Сталине вспоминают редко и немного. Он и сам не считает, что делает что-то особенное, и не любит похвал в свой адрес. Никогда не забуду, как он отчитал меня, когда я сказал, что Ленин – мозг революции, а Сталин – ее руки. «Революция делается руками народа, а не

отдельных личностей», — ответил на это Сталин и потребовал, чтобы я больше не говорил «такой чуши». Я знаю, что революция делается руками народа, но я хотел сказать о том, что организаторский талант Сталина принес делу революции столько же пользы, что и гений Ленина.

Если потомки станут изучать революционную историю только по газетам, то у них может сложиться превратное мнение о многих революционерах. Скромные будут недооценены, а болтливые хвастуны будут выглядеть так, будто без них никакой революции не было бы. Поэтому я согласен с Горьким — каждый революционер должен поделиться своим личным опытом. Из этих маленьких кирпичиков-воспоминаний будет создана новая история человечества, правдивая, народная история. Но рассказывать надо не о себе, а о самом важном, чему был свидетелем. Самое важное на моем революционном пути это то, что я был соратником Сталина, что под его началом я вырос из мальчишки в борца революции и был свидетелем многих его дел. Не каждому в жизни выпадает удача встретить такого учителя.

Кроме большой исторической цели, есть у меня и маленькая личная цель. Хочется сделать моему товарищу и учителю хороший подарок к его юбилею. Предвкушаю, как он удивится, когда увидит книгу о себе, написанную мною, не только его соратником, но и земляком, человеком, который знал его с детских лет. Придется мне вспомнить правила конспирации, чтобы мой подарок оказался сюрпризом, о нем до поры

до времени никто знать не должен. В первую очередь – сам Сталин. Чего доброго, он потребует от меня бросить это «пустое занятие» и заняться «настоящим делом». Мысленно отвечаю ему: «Нет, Иосиф, это совсем не пустое, а очень нужное и важное занятие, ведь сам ты о себе никогда ничего не расскажешь. Люди, которые до революции один раз организовали стачку¹, теперь считаются «видными революционерами» и «близкими соратниками Ильича», а о твоих заслугах толком никто не знает». После Октября стало хорошо видно, кто с какой целью примкнул к делу революции. Оказалось, что среди товарищей есть и такие, кто руководствовался сугубо личными мотивами. Понимая, что победа коммунизма неизбежна, они заранее позаботились о своей карьере: вступили в партию, старались быть ближе к Ленину, изображали кипучую деятельность. Сталин никогда не думал о личном и никогда не притворялся. Да и как мог думать о личном человек, который много раз смотрел в глаза смерти? Он не раз рисковал жизнью ради общего дела, но относился к этому легко и просто, как купцы относились к издержкам, которых невозможно избежать, разным утрускам. Если без

¹ Скорее всего, это намек на Григория Евсеевича Зиновьева (настоящая фамилия – Радомысльский; 1883–1936) – российский революционер, советский политический и государственный деятель, расстрелянный по делу Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра. По свидетельству жены Камо Софьи Васильевны Тер-Петросян (Медведевой), ее муж не любил Зиновьева и считал его ни на что не способным болтуном. (*Примечания, кроме особо оговоренных, подготовлены редакцией издательства «Яуза».*)

этого в деле не обойтись, то стоит ли вообще обращать на это внимание? Главное – сделать дело, принести пользу партии, революции и народу. Я сейчас не стану касаться того, какую пользу делу революции принес Сталин. Я напишу об этом подробно. Ради этой цели и задуман мой труд. В предисловии я просто хочу подчеркнуть разницу между Сталиным и многими из тех, кого сейчас называют «ближайшими соратниками» Ленина без реального на то права. Соратник – это тот, кто борется наравне, плечом к плечу, на равных. Моя совесть не позволяет мне назвать себя соратником Ильича, но я с полным правом могу называться соратником Сталина. И я горжусь этим.

Можно сказать, что я дважды познакомился со Сталиным. Первое наше знакомство произошло в детстве. Иосиф на четыре года старше меня и, кроме того, держался всегда очень серьезно, поэтому я воспринимал его как взрослого. Во время второго знакомства я увидел революционного деятеля, человека, способного повести за собой массы. Это произошло весной 1901 года во время первомайской демонстрации в Тифлисе. Иосиф² выступал перед рабочими, большинство которых было много старше его, но все они слушали его с таким вниманием, как будто он был старшим. В тот день мой товарищ открылся мне с новой, удивительной стороны. Столько лет прошло, а впечатления этого майского дня свежи в моей памяти так, будто все было только вчера. Но нач-

² Во всей рукописи Камо называет И.В. Сталина то по фамилии, то по имени.

ну я свой рассказ не с этого дня, а с нашего детства в Гори.
Чтобы понять человека, надо знать, где он родился и вырос.

Детство в Гори

На первый взгляд наши семьи (моя и Иосифа) были разными. Но только по социальному положению. Я родился в семье купца, принадлежавшего к потомственному священническому роду³. Иосиф родился в семье сапожника, отец которого возделывал землю в Диди-Лило⁴. Во всем остальном наши семьи были похожи. И мой отец Аршак Тер-Петросов⁵, и отец Иосифа Виссарион Джугашвили были жестокими домашними тиранами, пьяницами и никчемными людьми. На Кавказе издревле существует культ отца. Отцов, и вообще старших, принято уважать, слушаться их и т. д. Отцами гордятся. Когда встречаются два кавказца, они первым делом говорят друг другу: «Я – сын такого-то». К сожалению, ни я, ни Иосиф своими отцами гордиться не могли. Мы их стыдились. Я, наверное, стыдился больше. Виссарион Джугашвили тиранил только своих домашних, а мой отец вдобавок издевался над своими работниками. У него в конторе в воздухе витали злоба и ненависть, словно какая-то

³ Приставка «Тер» в фамилии Камо свидетельствует о принадлежности к роду священников.

⁴ Диди-Лило – деревня близ Тбилиси, в которой родился отец Иосифа Виссарионовича Сталина Виссарион Джугашвили. Ныне Диди-Лило – поселок городского типа, который входит в муниципалитет Тбилиси.

⁵ В дореволюционной России традиционные окончания армянских фамилий часто заменялись на «-ов».

черная пелена. И такая же пелена была у нас дома. Мне было одиннадцать лет, когда я впервые заступился за мать. Отец ударил меня, а затем потребовал, чтобы я в знак прощения поцеловал ему руку. Я прокусил ему руку до крови. То была моя первая победа в борьбе за справедливость.

Виссарион Джугашвили был хорошим сапожником. Одно то, что он смог выбиться из подмастерьев в мастера⁶ на фабрике Адельханова⁷, говорило о многом. У Адельханова работали знатоки своего дела, потому что платил он больше других. Возможно, если бы Виссарион остался у Адельханова, он поднялся бы и выше – до старшего мастера, но горийский армянин Барамов, пришедшийся дальней родней моей матери, переманил Виссариона и еще нескольких адельхановских сапожников на свою новую фабрику в Гори. Барамов наобещал всем переманенным золотые горы, но на деле заработки у всех оказались много хуже, чем в Тифлисе. С горя Виссарион начал сильно пить и вымещать всю злобу на своей безответной жене. Будучи трезвым, он хвастался тем, что, будучи сыном простого виноградаря, в совершенстве освоил сапожное ремесло и выбился в мастера. Когда

⁶ Имеется в виду должность мастера – начальника небольшого производственного участка, которую в наше время занимают лица с высшим инженерным образованием.

⁷ Адельханов Григорий Григорьевич (1848–1917) – видный тифлисский промышленник и коммерсант, владелец «Акционерного общества кожевенного и войлочного производства на Кавказе Г. Г. Адельханова» с капиталом в 1 500 000 рублей.

напивался, кричал о том, что его все обманывали – Барамов, Адельханов и даже родные отец с братом. Отец, по словам Виссариона, отдал все свои сбережения старшему сыну – Георгию, а ему самому не дал ничего. На полученные от отца деньги Георгий открыл духан где-то в Манглиси⁸ и богател, а Виссарион пьянствовал и беднел. Как только Виссарион заводил речь об отце и брате, его несчастная жена Екатерина бежала прятаться к соседям. Якобы причиной порчи отношений Виссариона с отцом была его женитьба на Екатерине, которая отцу не нравилась. Жена и сын были ответчиками за все несчастья, которые происходили с Виссарионом. Иосиф был единственным ребенком в семье. Два его старших брата умерли в младенчестве.

Мой отец был не лучше, чем Виссарион Джугашвили. На людях он старался держать себя в руках, но дома превращался в дикого зверя – кричал, унижал, пускал в ход кулаки. Прислуга не соглашалась наниматься в наш дом за обычную плату, а просила двойную, потому что бешеный характер отца был известен всему городу. Отец невероятно гордился своей принадлежностью к образованному духовному роду, но в нем самом этой образованности не было ни на грош. Купить за рубль, продать за полтора и вдобавок обсчитать на рубль – вот и все его образование. Отца уязвляло то, что он, потомок священников, вынужден заниматься торговлей. В этом он видел ущерб своему достоинству. Предрассу-

⁸ Манглиси – селение в 60 километрах от Тбилиси.

док, но этот предрассудок очень дорого всем нам обошелся. Чуть что, отец начинал упрекать мать, меня и сестер в том, что он «уронил свое достоинство» ради нас, то есть торгует, чтобы нас прокормить. Попрекать куском хлеба было любимым занятием моего отца. Надо сказать, что это был за «кусочек хлеба». Все съестное в нашем доме делилось на две категории – для гостей и для домашних. Гостям – самое лучшее, домашним – что похуже. Во время отъездов отца на наш стол стараниями матери перепадало что-то из «гостевого довольствия». Вернувшись, отец обнаруживал «растрату» (у него все было подсчитано) и устраивал матери выволочку. Стоило представить, что последует за лишним куском алани⁹, так этот кусок в горло не лез. Товарищи часто подшучивают над моей любовью к сладкому. Я на это всегда отвечаю: «Не наелся в детстве, приходится восполнять этот ущерб сейчас».

Не удивляйтесь, читатели мои, что я начал свой рассказ с мелких домашних дел, и не думайте, что я хочу пожаловаться на своего отца. Жаловаться не в моих привычках. Я начал свой рассказ именно так с двойной целью – хотел показать, что мы со Сталиным росли в схожей обстановке и что обстановка эта была такой, что в нас очень рано пробудились обостренное чувство справедливости, ненависть к произволу и угнетению и потребность защищать людей от произвола.

⁹ Алани – распространенное армянское лакомство, представляющее собой наанизанные на нитку и высушенные на солнце персики без косточек, начиненные смесью толченых ядер грецкого ореха с сахаром, корицей и кардамоном.

Детство – это первый и очень важный этап формирования личности человека. Кто знает, кем бы я вырос, если бы отец баловал меня и потакал всем моим капризам? Возможно, я стал бы типичным представителем буржуазии. Незавидная участь!

Среди книг, которые я всегда вожу с собой, в моей маленькой «походной» библиотеке есть «Детство» Горького с надписью автора. Возможно, что потрясение, произведенное этой книгой, и побудило меня писать обо всем откровенно, ничего не приукрашивая и не упуская ничего важного.

Иосиф Джугашвили впервые прославился на весь Гори после случая с лавочником Васадзе. Дело было обычным для обывательской среды. Виссарион Джугашвили, к тому времени живший в Тифлисе, а в Гори к семье наведывавшийся лишь изредка, несколько раз брал в лавке Васадзе товары в долг. Взятое записывалось в особую книгу, где на каждого должника была выделена своя страница. В подтверждение должник расписывался или просто ставил крестик рядом с записью. Виссарион расписывался. Он был не просто грамотным, а, можно сказать, образованным человеком. Образование свое он получил самостоятельно, благодаря любви к чтению. К месту Виссарион мог прочесть стих из «Вэпхист-каосани»¹⁰ или из Библии. Обширными были его познания и в грузинской истории.

¹⁰ Название поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой (барсовой) шкуре» при-
ведено Камо на грузинском языке.

В момент погашения долга лавочник на глазах у должника зачеркивал в книге то, за что уже было заплачено. Несколько раз, воспользовавшись тем, что Виссарион при уплате долгов был сильно пьян, Васадзе ничего не зачеркивал. Разве торгаш может не обмануть, если ему представится случай? Когда все обнаружилось, произошел скандал. Виссариона, громко доказывавшего свою правоту, забрали из лавки в участок. Екатерину, пришедшую усовестить его, Васадзе прилюдно оскорбил. Одиннадцатилетний Иосиф, увидев, что мать вернулась домой в слезах, отправился к Васадзе. Чем мог кончиться спор одиннадцатилетнего мальчика и сорокалетнего мужчины? Подзатыльниками и пинками, которые бы получил мальчик, вступившийся за мать и отца. Но вышло иначе. После разговора с Иосифом Васадзе отправился в участок и сказал, что он ошибся в расчетах и Виссарион ему ничего не должен. После этого он вместе с Виссарионом пришел к нему домой, чтобы помириться с Екатериной. Никто не знал, что произошло между Иосифом и Васадзе. Оба никому ничего не рассказывали. Весь город был заинтригован, поскольку признавать свою неправоту было совершенно не в характере Васадзе. Много лет спустя я вспомнил про этот случай и спросил у Сталина, что же тогда произошло. «Ничего особенного, – ответил он. – Я пообещал поджечь лавку, если Васадзе не исправит то, что он сделал. Васадзе понял, что я не шучу. Вот и все».

В детстве мы с Иосифом не дружили, мешала разница в

возрасте, а просто знали друг друга. В Гори все друг друга знали, это общее свойство небольших кавказских городов. Затем наши пути на время разошлись. Иосиф поступил в духовное училище¹¹ и перестал участвовать в мальчишеских играх. Будущему священнику это было не к лицу. Окончив училище, он уехал в Тифлис, где поступил в семинарию. В детстве, когда видишь творящуюся кругом несправедливость, невольно становишься религиозным. Бог кажется воплощением высшей справедливости, заступником всех угнетенных и обездоленных. Я был очень религиозным мальчиком и даже пел в церковном хоре. Не по принуждению пел, а по собственной воле. Потом все изменилось, я стал материалистом, еще сам того не сознавая. Начал задавать на уроках Закона Божьего вопросы, от которых преподаватели приходили в ярость. В конце концов из-за этих вопросов меня исключили из училища, к огорчению моей несчастной матери. Мать моя была необразованной, но понимала значение образования и очень хотела, чтобы я стал образованным человеком – инженером или доктором.

Отец мой относился к образованию пренебрежительно. «Читая книги, капитал не наживешь», – говорил он. Одно время он сильно расстраивался из-за того, что Бог послал ему такого никудышного наследника, как я (других сыновей у отца не было). Меня не привлекал подсчет барышей в конторе и прочие «прелести» купеческого дела. Я мечтал о чем-

¹¹ Горийское духовное училище.

то великом, грандиозном, хотел сделать для людей что-то такое, чтобы мое имя прославилось на века, хотел стать героем. Обычные мальчишеские мечты, не более того. Кумиры мои менялись как перчатки. То я восхищался Александром Македонским, то Наполеоном, то Гиго Читадзе¹². Сейчас я должен признать, что Читадзе был единственным достойным человеком в этом ряду.

После того как меня исключили из училища¹³, я задумался о военной карьере. Мне хотелось сражаться за освобождение моих соотечественников-армян, стонущих под турецким игом. В Гори у меня был единомышленник – Миша Паписов. Мишу не исключали из училища, поэтому он пошел в военные по прямой дороге, поступил в Тифлисское юнкерское училище¹⁴. У меня же не было другого выхода, кроме как идти в вольноопределяющиеся. Отец не возражал. Он к

¹² Георгий (Гиго или Гола) Читадзе – активный деятель народнического движения, руководитель одного из кружков народовольцев. Отказавшись от насильственной революционной борьбы в 80-х годах XIX века, Читадзе и ряд других грузинских народовольцев развернули легальную культурно-просветительную работу, в частности издавая в Тифлисе журнал «Имеди» («Надежда»). Несмотря на отказ от революционной борьбы, Читадзе оставался кумиром революционно настроенной молодежи. Читадзе был знаком с Максимом Горьким, который упоминал о нем в ряде писем, например, в письме С. Я. Аллилуеву от 28 сентября 1934 года. «Вероятно, я кому-то говорил, что в 92 г. в Тифлисе я встретил Вас однажды у Гиго Читадзе...» Читадзе, страдавший маниакально-депрессивным психозом (и умерший в тбилисской психиатрической больнице), стал прототипом Кравцова, героя горьковского рассказа «Ошибка», написанного в 1895 году.

¹³ Горийское городское училище.

¹⁴ Тифлисское пехотное юнкерское училище.

тому времени махнул на меня рукой и говорил, что из меня наследник, как из ишака скакун. Да и наследовать уже было нечего. Отец мой разбогател на поставках продовольствия и фуража для армии. При царском режиме это было очень прибыльное дело. Цены намеренно завышались, вместо хорошего товара поставляли всякую дрянь, а интенданты за взятки закрывали на все глаза. Всем было хорошо, кроме бедных солдат и лошадей, которых вместо хорошей еды кормили черт знает чем. Интенданты постоянно менялись. Кто-то, сделав состояние, благоразумно уходил сам, кого-то выгоняли с позором. С очередным подполковником отец не сумел найти общего языка, и поставщиком вместо него стал его конкурент купец Оганов. Отец разозлился и попытался отомстить Оганову. Способ мести у всех купцов был одинаковым – начать торговать по дешевым ценам, себе в убыток, лишь бы только переманить к себе всех клиентов конкурента и тем самым разорить его. Все зависело от того, у кого ту же мощна. Отец думал, что у него, но оказалось, что у Оганова. В результате трехлетней борьбы мой отец из «уважаемого» купца, ворочающего большими делами, превратился в лавочника. С горя он начал пить, а от пьянства дела шли все хуже и хуже. Закономерное дело. От меня отец хотел лишь одного, чтобы я убрался куда подальше и не мозолил ему глаза. В армию так в армию, да хоть к самому черту. Отца заботила другая мысль – успеть выдать моих сестер замуж, пока он окончательно не разорился.

В Тифлисе у меня жила тетка Елизавета, родная сестра матери, вышедшая замуж за тамошнего купца Бахчиева. Мать рассказывала, что, когда они выходили замуж, все считали, что ей повезло, поскольку мой отец в ту пору был богаче Бахчиева. Но со временем все изменилось. Отец разорился, а Бахчиев разбогател. Родные сестры и братья очень часто бывают непохожи друг на друга. Мать моя была тихой, робкой, забитой женщиной, полностью подчинявшейся своему мужу-тирану. В доме Бахчиевых правила моя тетка, державшая своего мужа под каблуком. Стоило ей только с выражением сказать: «Гево-о-орг!» (так звали Бахчиева), как муж отвечал: «Все что ты хочешь, Лиза-джан». В теткинском доме я жил, как в раю. Тетка жалела мою мать, жалела меня и уговаривала меня оставить мысли о военной карьере и поступить в семинарию. Но я был непреклонен: хочу быть военным, хочу освобождать соотечественников вместе с Мишей Паписовым! Забегая вперед, скажу, что оба мы не сумели исполнить задуманное. Миша погиб в японскую войну под Мукденом, а я стал бороться за освобождение всех угнетенных, а не только армян, из националиста, которым я был в молодости, превратился в интернационалиста.

Вскоре после приезда в Тифлис мне пришлось вернуться в Гори – слегла мать. Она давно уже чувствовала себя плохо, но не лечилась, списывала все то на усталость, то на плохую погоду. А когда слегла, то угасла за считанные недели. После смерти матери тетка забрала к себе меня и мою младшую

сестру Люсине. Она хотела забрать всех пятерых¹⁵, потому что на нашего отца не было никакой надежды, но неожиданно воспротивился ее муж. Сразу пять ртов на шею? Как можно! То, что мы с сестрами после смерти матери практически осиротели совсем, потому что отцу не было до нас дела, в расчет не бралось. Мне приходилось не раз видеть, как бедные люди в схожей ситуации без слов брали в свою семью и пятерых, и шестерых детей, но у бедных людей и богатых купцов разные взгляды на жизнь. Тетке потребовалось три месяца, чтобы уговорить мужа взять остальных племянниц.

Со смертью матери мое детство закончилось. Началась взрослая жизнь.

¹⁵ У Камо было четыре родные сестры.

Мой репетитор

Иосиф Джугашвили

Я хотел быть военным, тетка мечтала, чтобы я, продолжая традиции рода Тер-Петросовых, стал священником, а ее муж советовал мне податься в бухгалтеры и даже обещал мне место после окончания курсов. Дядин расчет был практическим. Семинария – дело долгое, а на курсах учатся всего три-четыре месяца. Чем раньше спихнешь лишний рот со своей шеи, тем лучше. Любое поприще было невозможно без знания русского языка, которого я почти не знал. Не «плохо знал», а «почти не знал». Дома у нас говорили на армянском, на улице – на армянском и на грузинском, в училище – преимущественно на грузинском. Где мне было научиться русскому?

Тетка моя была женщиной доброй и любила меня не меньше, чем моя мать. Видя, как я скучаю по Гори, она решила сделать мне приятное и пригласила в репетиторы моих земляков, недоучившихся семинаристов Иосифа Джугашвили и Гигу Годзиева. Оба моих репетитора были исключены из семинарии, но тетке нравилось, что они там несколько лет учились. По ее мнению, все студенты были вольнодумцами, а семинаристы «порядочными людьми». По замыслу тетки, общение с Иосифом и Гигой должно было наставить меня на

путь истинный, то есть склонить к поступлению в семинарию. Знала бы она, какое вольнодумство царило среди учеников Тифлисской семинарии и на какой путь наставит меня Иосиф!

Разница между Иосифом и Гигой сразу же бросалась в глаза. Гига придерживался революционных взглядов, но у него, как говорится, в голове был ветер. Он был за справедливость, но плохо представлял, в чем именно заключается настоящая классовая справедливость. Гига был на голову выше Иосифа и шире в плечах, но в присутствии Иосифа казался маленьким, незаметным. У Гиги было одно преимущество перед остальными – своя комнатка на Мтацминда¹⁶, в которой собирались семинаристы и прочая революционная молодежь. Со временем пригласили туда и меня.

Иосиф Джугашвили наставил меня на самый истинный из всех путей – на путь революции.

Это случилось как будто само собой, во время одного из первых наших занятий, когда мы изучали правописание буквы «ять»¹⁷.

– Вот зачем нужна эта буква? – сказал Иосиф. – Есть такая шутка: она нужна, чтобы отличать грамотных от неграмотных. Глупость, которая только мешает людям. И таких глупостей в жизни очень много.

¹⁶ Мтацминда – гора в Тбилиси.

¹⁷ Ъ, ѣ (ять) – буква исторической кириллицы и глаголицы, упраздненная в ходе орфографической реформы 1917–1918 годов.

Я тогда не понял истинного значения этих слов, но запомнил многозначительный взгляд, с которым они были сказаны. Сталин умеет и всегда умел выразить взглядом больше, чем словами. «Почему он так на меня смотрит?» – подумал я.

Спустя несколько дней между нами произошел первый серьезный разговор. Я (не в первый уже раз) сказал о том, что хочу стать офицером, а не священником и не бухгалтером.

– Офицером? – переспросил Иосиф. – Разве это хорошо?

– А как же! – заспорил я и выложил все мои соображения, начиная с освобождения моих соотечественников от турецкого ига и заканчивая тем, что для мужчины нет ничего лучше военной карьеры.

Иосиф слушал меня, не перебивая. В какой-то момент мне начало казаться, что он со мной соглашается. От воодушевления я заговорил с большей горячностью. Вдруг раздался резкий звук – это Иосиф хлопнул ладонью по колену.

– Парень ты хороший, смелый, – сказал он. – Но в голове у тебя ветер гуляет. Ну, допустим, станешь ты офицером – и что дальше?

– Как это «что»? – удивился я. – Отправлюсь в Турцию и стану сражаться...

– Разве все зло мира в том, что турки угнетают армян? – прищурился Иосиф. – Надо еще разобраться с тем, кто кого угнетает. Угнетают не по национальному признаку, а по классовому.

– Это как? – не понял я.

– Богатые угнетают бедных, – объяснил мне Иосиф. – Богатые турки угнетают своих соотечественников не меньше, чем армян. Так было всегда, так происходит повсюду и так будет до тех пор, пока бедные не возьмут власть в свои руки.

– Кто же им даст власть? – удивился я.

Иосиф посмотрел на меня так, будто я был ребенком, и тихо и очень веско сказал:

– Сам никто не даст. Власть добровольно не отдают, ее силой забирают. Ты давай быстрее учи русский, чтобы я тебе дал прочесть кое-какие умные книги.

Он заинтриговал меня, и я налег на трудный русский язык с утроенным усердием. Учил и удивлялся, ну кому понадобилось выдумать такой сложный язык? Голову сломаешь, пока выучишь. В армянском грамматика гораздо проще, к тому же армянский был моим родным языком, и я говорил на нем, не задумываясь о склонениях и спряжениях. Свою партийную кличку Камо я получил от Сталина из-за плохого знания русского, я говорил «камо» вместо «кому». Мы до этого не раз разбирали с моим репетитором все падежи, и моя нерадивость сначала его рассердила, а потом рассмешила. «Эх ты, Камо! – сказал он. – Вот так тебя теперь и стану звать». Германские товарищи принимали меня за француза. «Камо» звучит вполне по-французски. Кличка Камо нравилась больше другой моей клички того времени – Косой. Так меня прозвали из-за того, что мой левый глаз немного косит.

Иосиф не дождался, пока я выучу русский так, что сам смогу читать книги. Спустя несколько дней он принес на занятие «Манифест Коммунистической партии»¹⁸. Читал на русском и тут же переводил каждую фразу на грузинский. Я мало что понял в тот день, но у меня появилось ощущение причастности к какому-то большому и очень значительному делу. Мне льстило, что такой серьезный человек, как Иосиф, говорит со мной как с равным и доверяет мне настолько, что читает со мной нелегальную литературу. Врезалась мне в ум одна фраза: «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого», и я сейчас расскажу почему.

В детстве на меня произвела большое впечатление казнь двух крестьян-побратимов, отомстивших молодому князю Амилахвари¹⁹ за бесчестье. Князь, известный своим беспутным нравом, развлекался тем, что крал девушек и бесчестил их. Жених одной из несчастных девушек решил отомстить. Вдвоем со своим побратимом они застрелили негодяя, когда тот выходил из церкви. Какие-то крестьяне подняли руку на сиятельного²⁰ князя Амилахвари! Да еще на церковных сту-

¹⁸ «Манифест Коммунистической партии» – опубликованная в 1848 году работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в которой были задекларированы цели, задачи и методы борьбы зарождавшихся в то время коммунистических организаций (партий).

¹⁹ Амилахвари – старинный грузинский княжеский род из области Картли. В свое время город Гори входил в число владений князей Амилахвари.

²⁰ «Сиятельными князьями» звались потомки удельных или великих князей,

пенях. Суда еще не было, но все понимали, что несчастных крестьян ждет веревка, несмотря на то что по людскому закону их ни в чем нельзя было обвинить. Такой позор, как бесчестье невинной девушки, смывается только кровью. Если бы крестьяне обесчестили невесту князя, а он за это их убил, то его бы никто не упрекнул. Напротив – им бы восхищались как благородным мстителем. У древних римлян была очень точная пословица: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Крестьяне – это одно, а князья – совсем другое. Дураки говорили: «Крестьян много, а князей мало. Что будет, если все крестьяне начнут убивать князей? Мир рухнет!» Мой отец тоже так говорил, а я сочувствовал крестьянам и надеялся на то, что губернатор или царь их помиловат. Они же были мстителями, а не грабителями. Но никто их не помиловал. Я присутствовал на казни и до последней минуты надеялся, что случится чудо – вот сейчас прискачет гонец из Тифлиса с письмом от губернатора или же нападут абреки и отобьют несчастных. Чуда не случилось.

Читая «Манифест», я вспомнил о повешенных крестьянах и сказал о них Иосифу. Он тоже помнил их, весь уезд их помнил, такие дела случаются раз в сто лет.

– Мы и за них расплатимся! – пообещал Иосиф.

Я поверил ему, так веско и по-мужски были сказаны эти

титоловавшиеся «ваше сиятельство». В глазах общества они стояли выше «светлейших князей», которые получали свой титул по воле императора и титуловались «ваша светлость».

слова. Вообразите себе эту картину. 1899 год. Царский режим крепок, никто не знает, что ему осталось существовать всего 17 лет. Кажется, что ничто не в силах его свергнуть. И вдруг какой-то семинарист говорит: «расплатимся», и я ему верю. Так я пришел в революцию. Я благодарен моему старшему товарищу за многое, но больше всего за то, что он привел меня в революцию правильной дорогой. Я был молод, горяч и необразован. Эсеры с их террором казались мне благородными героями, анархические идеи, витавшие среди молодежи, тоже привлекали меня. Куда только нас, юных борцов за справедливость, не заносило! Иосиф вправлял нам мозги, причем для каждого находил особое слово. Одному мог сказать: «Нет, ты не прав» – и долго объяснял, в чем дело. А с другим мог просто пошутить, но так, что шутка сразу давала понять, кто прав, а кто нет. Помню, как Гига однажды начал рассуждать о том, что многие капиталисты не понимают, что угнетают рабочих. Им, дескать, кажется, что они живут по установленному порядку, и они даже не задумываются о том, правильно ли они живут. Разговор шел о разъяснительной работе среди рабочих, а Гига попытался внушить нам, что среди буржуазии тоже нужно проводить разъяснительную работу. У Гиги увлекающийся характер. Придет ему в голову какая-нибудь мысль, так он начинает всех убеждать, а через неделю забудет об этом.

– Давай ты и начнешь это дело, – сказал ему Иосиф. – Завтра как раз воскресенье. Отправляйся с утра на Головин-

ский проспект²¹ и попытайся уговорить кого-нибудь из домовладельцев пустить к себе бесплатно несколько рабочих семей. Если получится, в понедельник пойдешь к Яралову и убедишь его вдвое увеличить плату рабочим...

Гига покраснел, а все остальные рассмеялись. Сугубо теоретически можно было представить, что кто-то из домовладельцев решит сделать доброе дело и позволит беднякам жить бесплатно где-нибудь в подвале или на чердаке. Но никто не мог представить, что хозяин металлического завода Яралов, о скупости которого знал весь Тифлис, согласится платить рабочим хотя бы на копейку больше. Я пораился мудрости Иосифа. Начни он спорить с Гигой, тот стал бы горячиться, доказывать свою правоту и в бесполезном споре мог пройти весь вечер. На умные разговоры уже не осталось бы времени. А после шутки посмеялись немного и занялись делом.

Меня очень обижало то, что мне долгое время не давали никаких поручений. Я уже считался своим, при мне обсуждали разные дела, я видел, что товарищи доверяют мне, но почему-то не допускают участвовать в их делах. Несколько раз Иосиф приносил в теткин дом листовки и просил подержать их у себя несколько дней, но это я настоящим поручением не считал. Вот если бы мне доверили разносить эти листовки по заводам – другое дело. Однажды я не выдержал и

²¹ Головинский проспект – центральная улица дореволюционного Тифлиса (ныне – часть проспекта Руставели).

сказал Иосифу, что чувствую себя готовым для настоящего дела.

– Какого именно? – спросил Иосиф. – Что ты можешь делать?

– Могу разносить листовки, литературу! И вообще делать то, что поручат!

– Листовки разносить? Поручения исполнять? – Во взгляде Иосифа мелькнуло сомнение. – А ну-ка встань и пройдишь туда-сюда, как кинто²².

Я встал и прошелся по комнате, подражая походке кинто. Для пущего правдоподобия левой рукой я придерживал на голове воображаемый поднос.

– Эй, парень, почему твоя зелень? – спросил Иосиф.

– Почему? – растерялся я. – Не знаю...

– А какая у тебя зелень есть? – нахмурился Иосиф.

– Разная... – ответил я, понимая, что провалил экзамен.

– Садись! – махнул рукой Иосиф. – Кинто из тебя, как из ишака тамада. Товара не знаешь, цен не знаешь, ходишь не как кинто, а как девка с Солдатского базара, задом виляешь. Если бы у тебя под зеленью листовки лежали, то донес бы ты их только до первого городского!

От стыда я был готов провалиться сквозь землю. Вай, думаю, какой позор! Сам напросился и так опозорился! Теперь

²² Кинто – торговец вразнос различными товарами, преимущественно зеленью, фруктами и овощами. Кинто носили товар в стоявшем на голове подносе. В более широком смысле – гуляка.

Иосиф решил, что я гожусь только на то, чтобы листовки под кроватью хранить.

– А если бы тебя городской схватил, – Иосиф неожиданно встал и схватил меня за руку, – то смог бы ты от него вырваться?

Я попытался вырваться, но не смог, потому что Иосиф держал меня крепко.

– Не смог бы! – вздохнул Иосиф. – Отвел бы он тебя в участок вместе с твоим товаром.

Он сел, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Значит, так, Камо-джан. Первое поручение тебе будет такое – делать гимнастику. Гири купи, пригодятся. Революционер должен иметь не только крепкий ум, но и крепкое тело. Второе поручение – когда идешь по улице, то присматривайся к людям. Ко всем подряд. Как они ходят, как себя ведут, как разговаривают. Что сколько стоит, тоже надо знать. Это жизнь, а знание жизни никогда лишним не бывает. Особенно в нашем деле. Не только людей изучай, но и город тоже, особенно дворы, чтобы с закрытыми глазами по ним ходить мог. Давай, старайся, а там видно будет.

По строгому тону голоса Иосифа чувствовалось, что если я провалю второй экзамен, то третьей попытки у меня не будет. Я стал стараться. Делал все, что было мне велено. Месяца через полтора окреп настолько, что поборол теткинo-го дворника Агарона, саженного²³ верзилу, который раньше

²³ Сажень равняется 2,13 м.

был амбалом²⁴. Тифлис изучил так, что мог пройти дворами через весь город. Цены на разные товары я стал знать лучше моей тетки. Не могу сосчитать, сколько раз за всю свою жизнь я благодарил Иосифа за этот преподанный мне урок. В нескольких фразах за несколько минут он преподавал мне основы конспиративной науки.

Когда я счел себя готовым, то однажды встретил Иосифа с подносом на голове и, подражая всем повадкам кинто, предложил купить у меня персики и виноград. Даже песенку спел, кинто вечно пели куплеты о разных новостях, для неграмотных они были живыми газетами. Закончив представление, я взял пудовую гирю и начал поднимать ее на глазах у Иосифа, стараясь показать, что мне это труда не составляет.

– Молодец! – похвалил меня Иосиф и тут же добавил, чтобы я не сильно зазнавался: – Вот еще бы русский так учил, а то тетка твоя уже на меня косо смотрит. Столько учу тебя, а толку мало.

Я старался изо всех сил. Главным образом для того, чтобы читать нелегальную литературу, которая почти вся была на русском. Но трудный язык давался мне очень тяжело. Говоря по-русски, я чувствовал себя человеком, который вброд переходит реку. Думаешь, что все хорошо, и вдруг неожиданно споткнешься о камень или провалишься в яму. Как я ни старался, но в разговоре вечно допускал ошибки. Даже

²⁴ Амбалами в Закавказье и в Персии называли грузчиков и носильщиков.

сейчас, в сорок лет, я нет-нет, а скажу что-то не так.

Несмотря на то что мои успехи в изучении русского языка были очень скромными, наши занятия скоро прекратились. Я заявил тетке и ее мужу, что в семинарию и на бухгалтерские курсы я никогда не пойду и что идти в вольноопределяющиеся я передумал. Пока стану работать в типографии, а там видно будет. Теткиному мужу понравилось, что я стану работать – одним ртом меньше (этот человек только и делал, что считал расходы). Тетка, поняв, что со мной спорить бесполезно, назвала меня ишаком, и на том дело закончилось. Если бы мои родственники знали, в какой именно «типографии» я собираюсь работать и что я вступил в РСДРП, то пришли бы в ужас. Уверен, что теткин муж сразу же побежал бы доносить в полицию. У него, как и у большинства богачей, слова «социалист» и «разбойник» были синонимами. Но я хорошо конспирировался. В своей комнате устроил под половицей тайник, где хранил полученный от Иосифа револьвер и прочее, что надо было скрывать от чужих глаз. Если по делам мне приходилось отсутствовать дома ночью, то перед тем, как вернуться, я заходил в какой-нибудь духан, выпивал немного вина и возвращался домой пошатываясь и с песнями, как и положено молодому гуляке, чтобы не вызывать подозрений. Тетка качала головой и причитала: «Горе мне, сестра, виновата я перед тобой, не могу ничего сделать с твоим сыном». А я радовался тому, как ловко я вожу всех за нос.

Револьвер я получил потому, что мне приходилось в одиночку перевозить крупные суммы денег, которые собирались для партии на заводах и фабриках. Иногда случалось везти десятки тысяч. Иосиф не только дал мне револьвер, но научил стрелять и еще научил носить его скрытно, но так, чтобы можно было легко вытащить. И эта наука мне не раз пригодилась в жизни.

Поначалу меня использовали в качестве курьера, приглядывались. Когда присмотрелись, то начали давать организационные поручения. Кроме того, я проходил нечто вроде практики под руководством Иосифа. Он вел кружки среди рабочих и брал меня с собой. Надо сказать, что в революционной среде далеко не все понимали важность кружков и хотели заниматься этим делом. Не раз от людей, которые казались умными, доводилось слышать, что кружки – «бесполезное», «скучное» или вовсе «глупое» занятие. Чем объяснять десятку рабочих, лучше написать статью в газету – ее прочтут тысячи. Люди забывали очевидное, то, что большинство рабочих неграмотно, и то, что марксизму надо учить, надо объяснять. Мало кто прочтет и сразу все поймет. Я не считаю себя дураком и кое-какое образование у меня имелось, но «Манифест» со мной нужно было разбирать. Если бы Иосиф просто прочел его мне, я понял бы далеко не все.

Посещение кружков принесло мне огромную пользу. Я многому научился у Иосифа и у наших кружковцев. Иосиф

научил меня просто и понятно излагать свои мысли, вести пропагандистскую работу так, чтобы она давала хороший результат. Занятия он проводил очень увлекательно. Люди слушали, раскрыв рты, словно им читали авантюрный роман. Кружки собирались у кого-то на дому, и для маскировки на стол ставилось вино и кое-что из еды – хлеб, сыр, зелень. Если вдруг нагрянет полиция, то увидит сборище выпивающих и закусывающих приятелей. Еду и вино кружковцы покупали в складчину и по окончании занятия быстро уничтожали – не пропадать же добру. В тех кружках, которые вел Иосиф (а я бывал на кружках и у других), после окончания занятия люди не набрасывались на еду, а продолжали обсуждать услышанное. Это верная примета того, что ведущий сумел задеть их за живое. В этом же и смысл кружковской работы, чтобы каждому доходчиво объяснить и каждого задеть за живое. Опыт, полученный под руководством Сталина, очень пригодился мне в тюрьме. «Камо за пять минут разagitирует любую камеру», – злились мои тюремщики и старались держать меня в одиночке. Но если уж за решеткой у меня была компания, то я не терял времени даром, начинал разговаривать с людьми. Из сидения в камере тоже можно извлечь пользу.

Разные люди приходили заниматься в кружках. Одних приводила жажда справедливости, других – любопытство, третьих – обиды на власть. Были и такие, что приходили за компанию с приятелем. По уровню образования кружковцы

тоже отличались. Были грамотные, читающие, и были такие, что вместо подписи ставили крест. Грамотные иногда пытались переспорить Иосифа, желая блеснуть своей образованностью. Он терпеливо, при помощи понятных аргументов, объяснял им, что они не правы, и делал это по-товарищески, на равных, а не как педагог ученикам. И не только рассказывал и объяснял что-то, но и непременно расспрашивал кружковцев о их делах, о жизни. Иосиф знал, кто женат, а кто холост, у кого сколько детей и разные другие бытовые подробности, не имевшие прямого отношения к занятиям в кружке.

– Очень важно, чтобы в кружке была товарищеская атмосфера, – объяснял мне Иосиф. – Мы все товарищи, все равны. Люди должны чувствовать себя свободно, тогда они будут думать, понимать, дискутировать, а не просто слушать и бояться задать вопрос.

Если дискуссии затягивались за полночь, Иосиф радовался: ах, как хорошо сегодня поспорили, время не зря прошло. После кружка мы обычно шли к нему (он тогда работал наблюдателем в обсерватории²⁵ и жил там же), и там мое обучение продолжалось. Сталин обсуждал со мной на более сложном уровне темы, которые разбирались на кружке, делился опытом, короче говоря, учил меня уму-разуму, делал из мальчишки революционера. Мне трудно было поверить в

²⁵ И.В. Сталин в 1899–1901 годах работал вычислителем-наблюдателем Тифлисской физической обсерватории.

то, что моему учителю немногим больше двадцати, по опыту и мудрости он производил впечатление пятидесятилетнего. «Когда он успел все узнать? Как он вообще все успевает?» – удивлялся я и брал со Сталина пример, старался использовать с пользой каждую минуту.

Обстановка, в которой жил Сталин, тоже удивляла меня своей простотой. Кровать, стол, два табурета, сундук вместо шкафа. Разумеется, я понимал, что не увижу здесь той роскоши, которая была в теткинском доме, но все же ожидал увидеть нечто иное.

Членом одного из кружков некоторое время был неприятный человек, железнодорожный служащий Ваню Ломидзе, то и дело упоминавший о своем азнаурском²⁶ происхождении. У глупости много примет, но одна из главных – кичиться своим происхождением. Ваню не раз пытался поддеть Иосифа, но всякий раз терпел поражение. Однако не унимался и пробовал снова. Однажды он сказал, что Маркс и Энгельс были богачами и что марксисты-социалисты только на словах выступают за равенство, а на самом деле это не так. У нас, мол, каждая копейка на счету, а социалисты с нас собирают деньги якобы на партийные нужды, но на самом деле тратят их на себя. Признаюсь честно, что у меня кулаки зачесались дать Ваню в морду за такие слова. Иосиф, заметив мое настроение, строго поглядел на меня, давая понять, чтобы я сидел спокойно, и сказал Ваню как ни в чем не бывало:

²⁶ Азнауры – грузинские дворяне.

– У русских есть хорошая пословица: «Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать». И вообще нехорошо получается. Я почти у всех вас в гостях побывал (кружок соби-рался то у одного, то у другого), а вы у меня еще не были. Приглашаю всех к себе. Прямо сегодня, после кружка и пой-дем, чтобы никто не подумал, что я к вашему приходу под-готовился. Увидите своими глазами, как живут социалисты.

После кружка Иосиф повел всех к себе во флигель (он жил и работал во флигеле, а не в главном здании). Увидев, в какой «роскоши» живет Иосиф, Ваню покраснел как рак. Больше он на кружок не приходил.

Если меня спросят: «Как Сталин относится к имуще-ству?», – я отвечу: «Он не обращает на имущество никако-го внимания». Есть кровать, чтобы спать, есть стол, чтобы за ним работать, есть стул, чтобы на нем сидеть, что еще нужно? Скромность Сталина, проявляющаяся во всем, мог-ла бы служить примером для некоторых его соратников. Я – коммунист и скажу с партийной прямоотой, что в первую очередь пример надо бы брать товарищу Троцкому. Я ска-зал это ему в глаза, когда оказался в его знаменитом поез-де²⁷, повторяю и сейчас. Солдаты в красных штанах с золоты-ми лампасами и синих кителях с серебряными кантами про-извели на меня плохое впечатление. Словно старорежимные

²⁷ В 1918–1921 годах председатель Революционного военного совета РСФСР и народный комиссар по военным делам РСФСР Лев Троцкий работал в специ-альном поезде, непрерывно разъезжавшем по фронтам Гражданской войны.

швейцары, иначе и не сказать. Под стать «швейцарам» было и внутреннее убранство вагона Троцкого с дорогой мебелью, канделябрами и коврами. Я пишу об этом потому, что Троцкому не понравилось мое замечание относительно роскоши, которой он себя окружил. Он ответил мне резко, даже грубо. Напомнил о своих высоких должностях и сказал, что для работы ему нужны соответствующие удобства. Не знаю, что он подразумевал под словом «соответствующие», но могу представить, что испытывают люди, попавшие в вагон одного из ближайших соратников Ленина и видящие там такую буржуазную роскошь. В вагоне Троцкого я вспомнил Вану Ломидзе и комнатку в обсерватории, в которой жил Сталин. Я не раз был у Сталина, и все его жилища отличались простотой, которую можно назвать «спартанской». У Ленина я видел то же самое. Обо мне и говорить нечего. После Моабитской тюрьмы²⁸ пальто, брошенное на пол, кажется мне пуховой периной.

Чтобы узнать человека, не надо съедать с ним пуд соли. Достаточно побывать у него дома и посмотреть, как он живет. Быт расскажет о человеке больше, чем кто-то из его знакомых. Что же касается скромности, то она – одно из главных качеств коммуниста. Настоящего коммуниста. Это очень тонкая и очень важная грань, переходя за которую коммунист превращается в буржуа.

²⁸ «Моабит» – берлинская тюрьма, построенная в 1888 году. Камо находился в ней в качестве заключенного с 1907 по 1909 год.

Мой промах

Сталин хотел восстановить в Тбилиси подпольную типографию, которая была нам очень нужна. Была типография на Лоткинской, но ее очень скоро разгромила полиция. Гораздо проще печатать газеты и листовки на месте, нежели возить их из Ростова или Екатеринодара²⁹. Сталин хотел издавать газеты на грузинском и армянском языках, которые были бы доступнее для закавказского пролетариата, чем «Искра». У него и название уже имелось: «Борьба». Деньги и возможность раздобыть станок тоже были – товарищи брались собрать его из деталей от списанных типографских машин. Не хватало только одного – помещения.

Мои воспоминания будут читать разные люди, в том числе и не имеющие представления о конспиративной работе, поэтому я поясню, в чем заключалась сложность. Абы какое помещение для подпольной типографии не годилось. Оно должно было быть не на самом виду, но в то же время и не где-нибудь на отшибе, чтобы частое появление людей и подвод не вызывало бы ничьего любопытства. Типография должна была иметь два склада – обычный, который можно было бы показать всем, и скрытый от посторонних глаз, где можно было бы хранить все нелегальное. Владелец поме-

²⁹ Прежнее (до 1920 года) название города Краснодара.

щения должен был быть человек, сочувствующий делу революции или такой, которому нет дела ни до чего, кроме арендной платы. Типография – дело шумное, поэтому нелегальную типографию надо маскировать под видом легальной или же устраивать там, где шум ее будет заглушаться другим шумом. Например, на заводе или на железнодорожной станции. Маскировать было сложно, поскольку любая легальная типография привлекала внимание полиции. Часто было так, что в легальных типографиях печаталась нелегальная литература. В Тифлисе и вообще на всем Кавказе дело осложнялось местными особенностями. Все всех знают, все суют нос во все дела, слухи разносятся моментально. Очень важно было, чтобы типография не привлекала бы ничьего внимания. Об ответственности перед товарищами, которые обеспечивали типографию станками и всем необходимым, тоже забывать не следовало. Люди сделали большую работу, дали все, что нужно, их нельзя подвести.

Организацией типографии занимался Ваню Стурюа³⁰. Он поручил мне найти для нее подходящее место. Я очень хотел выполнить это поручение как можно скорее и по неопытности совершил большую ошибку.

Дело было так. Муж моей тетки Геворг Бахчиев имел широкий круг знакомств. Весь Тифлис знал его, а он знал всех. Я решил использовать связи Бахчиева в своих целях и

³⁰ Иван (Ваню) Федорович Стурюа (1870–1931) – грузинский революционер, соратник И.В. Сталина.

сказал ему, что один мой знакомый из Гори хочет открыть типографию, чтобы печатать открытки, календари, брошюры для паломников и прочую чепуху. Эта чепуха не только служила отличным прикрытием для типографии, но и приносила неплохой доход. Борьба стоила денег, причем больших денег, поэтому революционерам приходилось быть расчетливыми хозяевами. «Беда с помещением, – сказал я Бахчиеву, – мой знакомый никак не может найти подходящее и недорогое помещение. Нельзя ли поспрашивать у знакомых?» Бахчиев не удивился моей просьбе. Он решил, что я хочу заработать комиссионные. В его кругу это было обычным делом, все оказывали друг другу услуги за процент. С меня Бахчиев, разумеется, процента не потребовал, поскольку я был племянником его жены и жил в его доме. Близким родственникам полагалось помогать бескорыстно.

Во время встречи с Ваном я сказал ему, что теперь нам ищет помещение Бахчиев.

– Ты что, с ума сошел?! – рассердился Ван. – Кто тебе разрешил так поступать?!

– А что в этом такого?! – удивился я. – Я же не сказал ему правду, а сослался на знакомого из Гори. Геворг каждый вечер кутит в большой компании, что плохого, если он будет спрашивать у приятелей про помещение?

Ван вспылил, обозвал меня «глупым ишаком» и разными другими обидными словами. Я в долгу не остался, несмотря на то что Ван был старше меня и по возрасту, и

по положению в организации. Вместо разговора вышел скандал. Расставшись с Ваном, я пошел в обсерваторию к Сталину. Не для того, чтобы пожаловаться на Вану, а для того, чтобы посоветоваться и договориться, чтобы я докладывал ему о моих поисках. Я тогда еще не знал, что Вану вспылчив, но отходчив, а мы поскандалили так бурно, что, как мне казалось, разругались на всю жизнь. «Кто дал ему право оскорблять меня?! – горячился я, пока шел. – Я – взрослый человек, член партии, а он обозвал меня ишаком! Пускай еще скажет спасибо, что я ему в морду не дал за такие слова!»

Выслушав меня, Иосиф сказал:

– Вану прав. Выразился он, конечно, грубо, но он прав. Ты не ишак, а дурак, потому что не понимаешь простых вещей. Рано или поздно, но тобой заинтересуются ищейки. Вот допустим, что тебя арестовали. Ты сидишь в Метехах³¹, молчишь, на вопросы не отвечаешь. Политическим сыском занимаются умные люди. Они не только тобой будут заниматься, но и твоими связями – родственниками, друзьями, соседями. Всех будут подробно расспрашивать о тебе. Что делал? С кем встречался? О чем говорил? Бахчиев среди прочего вспомнит и этот случай. «Ага! – скажут жандармы. – Значит, этот бунтовщик искал место для типографии. Значит, материалы уже печатают в Тифлисе, а не возят из Ростова». Это Бахчиев может тебе поверить, а жандармы не поверят. Они знают, что практически все, чем занимаемся

³¹ В XIX веке Метехский замок, снесенный в 1959 году, был тюрьмой.

мы, делается для нашего общего дела. То есть из-за твоей ошибки жандармы могут догадаться, что в Тифлисе работает нелегальная типография. А если бы Бахчиев нашел тебе место, это считай все равно, что ты в жандармское³² адрес сообщил. Понял?

– Понял, – прошептал я, хватаясь за голову.

Ой, что я натворил? Чуть было не провалил будущую типографию!

– Это еще не все, – голос Иосифа стал строже. – Наши враги – мастера провокаций. Возьмут и скажут тебе на допросе: «Мы знаем, что ты искал место для подпольной типографии. Тот, кто давал тебе это поручение, все нам рассказал». Ты подумаешь, что Ваню тебя предал, вспыхнешь и наговоришь лишнего, сгоряча выболтаешь какие-нибудь важные сведения.

– Я все понял, – повторил я, приходя в крайнее отчаяние, и спросил: – Что же мне теперь делать, Иосиф? Убить Геворга, чтобы он не проболтался? Но я не могу так поступить. Я в его доме живу, его хлеб ем, он муж моей родной тетки.

– Зачем убивать?! – рассмеялся Иосиф. – Просто скажи, что твой вымышленный знакомый передумал открывать типографию и вместо нее завел мясную лавку. Пока ничего страшного не случилось, но может случиться, если ты и дальше станешь так себя вести. Запомни навсегда – никаких партийных дел с родственниками и приятелями не обсуждать!

³² То есть в Губернское жандармское управление.

Помощи не просить! Никаким образом ни во что их не вмешивать! Конспирация, товарищ Камо, заключается не только в том, чтобы револьвер в тайнике прятать. Конспирация – это делать так, чтобы твоя легальная жизнь нигде и ни в чем не пересекалась бы с нелегальной. Иначе беда. Запомнил?

– Запомнил! – загорячился я. – Все запомнил! Клянусь, что больше ничего подобного не случится! А к Ваню прямо сейчас пойду и извинюсь!

– Не надо разводить в организации эти буржуазные церемонии, – нахмурился Иосиф. – Просто пойди и скажи, что осознал свою ошибку и больше так делать не станешь. Что такое «извини»? Слово, не имеющее никакого значения. Значение имеет то, что ты понял свою ошибку и можешь продолжать работать дальше.

– Симон и Камо больше нигде не будут пересекаться! – пообещал я и добавил: – Эх, почему мне Ваню сразу все спокойно не объяснил?

– Грузины – вспыльчивый народ, – усмехнулся Иосиф. – Кровь горячая, быстро в голову ударяет.

– Ты тоже грузин! – возразил я. – Но тебе же не ударяет! За все годы, что я знаю Сталина, начиная с детства, я ни разу не видел, чтобы он выходил из себя, кричал, ругался, впадал в ярость. Если он сердится, то хмурит брови и начинает говорить резким тоном, не более того. Я видел его в разных ситуациях, но он всегда остается спокойным.

– Я не люблю бесполезных занятий, – ответил Иосиф. –

Зачем заниматься тем, что не приносит пользы? Вот что бы произошло, если бы я повел себя, как Ваню? Ты бы расстроился, мог сгоряча пристрелить своего дядю, а потом, чего доброго, и сам бы застрелился. Кому от этого была бы польза? Только гробовщику. А так все живы, ты понял свою ошибку, нашему общему делу от этого польза. Сердце у человека должно быть горячим, а не голова! Горячая голова плохо соображает.

Сердце у человека должно быть горячим, а не голова! Эти слова врезались мне в память. С того дня я начал учиться владеть собой в любой ситуации. Что бы ни случилось, говорил себе: «Спокойно, Симон-джан, спокойно! Не кричи, руками не махи! Криком делу не поможешь». Выдержка часто меня выручала, но сильнее всего она пригодилась мне в Моабите, когда я симулировал сумасшествие³³. Когда-нибудь я напишу об этом подробно. Мой опыт пригодится зарубежным коммунистам.

³³ В конце августа 1907 года Камо по поддельному паспорту на имя австрийского подданного страхового агента Дмитрия Мирского отбыл в Европу с целью закупки оружия для революционеров. В ноябре того же года Камо был арестован в Берлине. На его квартире обнаружили 50 маузеров и по 150 патронов к каждому стволу, готовых для отправки в Россию, а также взрывчатку и капсулы для бомб. Германские власти предъявили Камо обвинение в терроризме и начали готовиться к его экстрадиции в Россию, где Камо ждала смертная казнь. Бежать из Моабитской тюрьмы было невозможно. Камо начал симулировать душевную болезнь, надеясь, что его переведут в психиатрическую лечебницу, откуда бежать будет легче. Но так или иначе устроить побег в Берлине не удалось. Камо экстрадировали в Россию. 15 августа 1911 года он бежал из тбилисской Михайловской психиатрической больницы и был переправлен товарищами во Францию.

Я помирился с Ваню, сказал Бахчиеву, что мой знакомый передумал открывать типографию, и с того дня никогда больше не мешал легальную жизнь с нелегальной. Впрочем, очень скоро у меня легальной жизни не стало. С 1904 года и до недавнего времени я жил на нелегальном положении. «Легализировался» я лишь на то время, пока находился в заключении.

Подготовка к первомайской демонстрации

В апреле 1900 года Иосиф и Ваню организовали первую в Тифлисе рабочую маевку, о которой все наши товарищи часто вспоминали. Первая большая маевка! Рабочий класс поднял голову, заявил о себе! Не было сомнений, что на следующую маевку соберется не 500 человек, как на первую, а много больше. Ваню утверждал, что демонстрантов будет 10 000 и «весь Тифлис задрожит», когда они пойдут по городу.

– Ваню, мы не лавочники, а демонстранты не рубли! – говорил на это Сталин. – Дело не в количестве народа, хотя чем больше придет, тем лучше, а в том, чтобы провести демонстрацию как задумано. Не одни мы к ней готовимся, власти тоже готовятся, и пуще нашего. 22 апреля³⁴ на каждом углу будут стоять казаки, а переодетых шпииков на улицах будет больше, чем горожан. Нам важно продемонстрировать сплоченность и стойкость, показать, что мы готовы к борьбе. Тысячи, которые разбегутся при первом же взмахе нагайки, хуже сотни, которая устоит и даст отпор казакам и полиции. Мы должны продемонстрировать решительность, стойкость,

³⁴ В царской России, жившей по юлианскому календарю, маевки устраивались одновременно с европейскими социалистами, жившими по григорианскому календарю.

боевой дух! Ты что, забыл поговорку: «Десять шакалов не стоят одного барса»?

В том, что 22 апреля 1901 года в Тифлисе, несмотря ни на что, все же состоялась первомайская демонстрация, заслуга Иосифа. Он ее готовил, продумывал все до мелочей, работал днем и ночью. Когда я пишу «работал днем и ночью», то ничего не приукрашиваю, поскольку Иосиф именно так и работал. Я не представляю, когда он отдыхал. Утром мы с ним встречались для того, чтобы решить какие-то срочные вопросы, днем он занимался подготовкой к демонстрации, вечером вел кружки, после кружков беседовал со мной и другими товарищами, ночами писал статьи... Утром, не успевал я еще проснуться, как прибежал мальчишка с запиской от Иосифа: «Надо сделать то-то и то-то». Моя тетка думала, что мне шлет записки какая-то женщина, но мне в то время было не до женщин. Я был занят делом, важным делом. Партия поручила мне обеспечивать связь между ячейками и конспиративными квартирами. Вот когда пригодилось мне знание жизни, выработанное по совету Сталина. Я был кинто, карачохели³⁵, гимназистом, реалистом, рабочим... Кем я только не был! И каждую свою роль я исполнял так, что ни у кого не вызывал подозрений. Товарищи шутили: «Камо, а молоканином нарядиться сможешь?» Молоканин из меня, конечно же, не получился бы. Однажды, когда я нарядился

³⁵ Карачохели («чернокафтанные») – прозвище тифлисских ремесленников, носивших черную чоху (кафтан).

нищим бродягой, меня не узнал Ваню, с которым мы должны были встретиться на Татарском майдане³⁶. Увидев Ваню, я вместо того, чтобы поздороваться, хриплым голосом начал клянчить у него денег. Ваню гнал меня прочь, а я канючил: «Дай хотя бы пятачок». Он узнал меня только после того, как я заговорил обычным голосом и подмигнул ему.

Все мы понимали, что спокойно пройти по городу нам не дадут, и потому готовились к борьбе. Я мечтал о том, чтобы мне доверили знамя. Быть знаменосцем на демонстрации – что может быть почетнее этого? Мои упражнения с гириями и вся остальная гимнастика продолжались (и продолжают до сих пор), я был силен и мог без труда нести знамя хоть до Кутаиса³⁷. Но Сталин, руководивший организацией демонстрации, сказал:

– Не обижайся, Камо, но в знаменосцы ты не годишься. Ростом не вышел. Знаменосец должен быть видным, высоким. Он же несет знамя! Но ты не огорчайся. Ты силен, отважен и будешь помощником знаменосца. На него казаки будут нападать в первую очередь, чтобы отобрать знамя, а ты будешь его защищать.

Знаменосцем назначили железнодорожника Аракела Окуашвили. Аракел был одним из самых активных членов

³⁶ Татарский майдан – площадь, на которой находился самый крупный базар дореволюционного Тифлиса.

³⁷ Кутаиси («Кутаис» в старом произношении) – город в Грузии, расположенный в 230 км от Тбилиси. В рукописи Камо названия грузинских городов приводятся так, как было принято в дореволюционной России – Кутаис, Батум и т. п.

нашей организации. Впоследствии мы пересекались с ним несколько раз в Тифлисе, в те моменты, когда оба были на свободе. Аракел провел в тюрьме и ссылке столько же, сколько и я, если не больше.

Другой человек стал бы придумывать какие-то несуществующие причины, чтобы обосновать свой отказ, а Сталин сказал мне прямо: «Ростом не вышел». Это меня не обидело. Другое дело, если бы товарищи мне не доверяли. А рост какой он есть, такой и есть. Зато меня назначили помощником знаменосца. Я был невероятно горд. Пусть не я буду нести знамя, но зато я буду его охранять.

Но до демонстрации было еще далеко. Предстояла большая подготовка. В конце зимы и начале весны 1901 года все члены Тифлисской организации РСДРП работали, не зная отдыха. Распространяли прокламации, агитировали, объясняли, решали множество мелких, но очень важных вопросов. Ваню создал особую группу, которая должна была идти впереди и вступить в борьбу с казаками. Для защиты от нагаек нужны были папахи и толстые зимние пальто. У большинства товарищей ни папах, ни пальто не было, и, как нарочно, у организации не было денег для того, чтобы все это купить. Возникли еще кое-какие неотложные расходы.

– Камо, надо достать деньги! – сказал мне Иосиф. – Хотя бы три-четыре тысячи.

Как «достать», было ясно. Не займы же брать у теткинину мужа или у кого-то еще. «Достать» означало «экспропри-

ировать», отнять силой. Револьвер у меня был, оставалось только придумать, как и где можно раздобыть деньги. В то время мое понимание этого ограничивалось Рокамболом³⁸. Иначе говоря, у меня была только теоретическая подготовка, причем весьма слабая. Жизнь сильно отличается от романов. Но поручение надо было выполнить во что бы то ни стало. О силе большевиков много говорят, но мало кто понимает, что корни этой силы в том, что каждый большевик готов любой ценой выполнить поручение партии. Умри, но сделай – вот принцип большевиков, который помог им выстоять в борьбе со всем миром.

Умри, но сделай! Я долго выбирал место для моего первого «экса»³⁹. Помощников у меня не было, предстояло справиться в одиночку и при этом не оплошать. После долгих раздумий я выбрал аптеку Земмеля на углу Ольгинской и Верийского спуска. Аптека эта была известной в городе и торговала бойко. По моим расчетам вечером в кассе должно было скопиться не менее трех тысяч рублей.

Расчеты оказались неверными. Мне удалось взять только тысячу с небольшим. Все прошло гладко, без сучка и задоринки, но денег было мало. Окрыленный успехом своего первого «экса», я зашел в галантерейный магазин, который

³⁸ Рокамболь – герой авантюрно-уголовных романов популярного в XIX веке французского писателя Пьера Алексиса Понсон дю Террай (Понсон дю Террай-лья).

³⁹ «Экс» – сокращенное название экспроприации, принятое в революционной среде.

уже закрывался, и взял там дневную выручку – почти две тысячи. В сумме получилось три тысячи, и я благоразумно решил остановиться на этом. Я был слишком возбужден, а в возбужденном состоянии чаще всего совершаются ошибки. Не заходя домой, я отправился в обсерваторию к Сталину и отдал ему деньги.

– Молодец! – сказал он, пересчитав деньги, и спросил: – Трудно было?

– Нет, совсем не трудно, – ответил я.

Мне было немного не по себе не из-за страха перед полицией, а из-за опасения провалить дело и оставить организацию без средств, которые ей так нужны.

– Расскажи-ка, как все было, – попросил Сталин.

Я в подробностях рассказал ему про оба «экса». Надеялся услышать еще одну похвалу, но вместо этого получил нагоняй.

– В первый раз ты все сделал правильно, – сказал Сталин. – Выбрал аптеку, разработал план и осуществил его. Но во второй раз ты сглумил. Голову надо отрывать за такое! Шел мимо, увидел, что приказчики закрывают ставни, зашел и сунул им под нос револьвер... А если бы к хозяину в этот момент пристав заглянул? А если бы у приказчиков при себе было бы оружие? Да мало ли что могло быть... Ты рисковал сам и еще рисковал выручкой с предыдущего «экса». Это партийные деньги, они не тебе принадлежат, а партии. Глупо ты поступил, Камо, очень глупо. Запомни хорошо, что с

наскоку, без плана, никакое дело не делается. Сначала думаешь, а потом делаешь. Правильно спланированный «экс» заканчивается благополучно, а действуя без плана, легко можно угодить за решетку.

Больше никогда я не делал «экссов» без подготовки. Даже если шел и видел, что вот здесь сейчас можно легко взять деньги, то проходил мимо. До 22 апреля я добавил в партийную кассу еще 8500 рублей. Менять внешность я к тому времени научился очень хорошо и, если даже спустя день-другой заходил туда, где брал деньги, меня не узнавали.

Чем ближе к Первомаю, тем активнее действовали полицейские с жандармами. В городе начали проводиться облавы, полицейские задерживали всех, кто казался им подозрительным. Действовали они глупо, хватали всех без разбора. Теткина кухарка Ануш имела привычку то и дело оглядываться на ходу, это у нее было нервное. Так из-за этой привычки ее однажды задержали, когда она шла домой с базара, и отвели в участок. Пару раз случайно задерживали наших товарищей, но им удавалось убедить полицейских отпустить их. Подобные просьбы обычно подкреплялась одной или двумя «красненькими»⁴⁰. Обычное для царской полиции дело – использовать любой повод для личного обогащения. У хорошо одетого господина было больше шансов оказаться задержанным во время облавы, чем у грязного обо-

⁴⁰ Десятирублевые государственные кредитные билеты назывались «красненькими» из-за своего цвета.

рванца.

В конце марта 1901 года полиция нагрянула к Иосифу в обсерваторию. К счастью, его самого в это время там не было. Товарищи успели предупредить Иосифа о визите полиции, и он перешел на нелегальное положение, но продолжал руководить подготовкой к демонстрации и прочими делами. На первых порах Иосиф жил в Нахаловке⁴¹ у железнодорожника Ираклия Саакадзе, а после в Авлабаре⁴² у Арсена Казарянца, рабочего коньячного завода Сараджева.

Переход на нелегальное положение никаким образом не сказался на деле. Иосиф успевал делать все, что было нужно. Ему сделали хорошие документы, по которым он был служащим Ростовского общества взаимного кредита, приехавшим по делам в Тифлис. Товарищи позаботились обо всем, даже о визитных карточках и бумагах с печатью общества. Изменив внешность, Сталин мог спокойно ходить по городу. Я видел разное поведение у тех, кто находился на нелегальном положении. Были такие, кто лишний раз нос из дому боялся высунуть, а если и высовывал, то всячески избегал людных мест, где его могли узнать. Сталин вел себя иначе – он бывал всюду, где ему следовало быть. Распорядок его жизни остался прежним, только кружки вместо него стали вести другие

⁴¹ Нахаловка (груз. «надзаладеви») – район старого Тифлиса, возникший в 80-х годах XIX века в результате самовольного строительства жилья железнодорожными рабочими.

⁴² Авлабар – район Тбилиси.

товарищи.

Было ясно, что Иосифа выдал полиции кто-то из членов организации, потому что обыск в обсерватории состоялся в тот день, когда туда должны были доставить партию оружия из Кутаиси. Один из кутаисских товарищей сумел подружиться с полковым оружейным мастером и покупал у него револьверы якобы для эриваньских⁴³ уголовников. Те, кто делал обыск, перевернули вверх дном не только комнату Сталина, но и всю обсерваторию. Сторож слышал, как руководивший обыском офицер несколько раз поминал про револьверы. Товарищи быстро вычислили предателя, потому что искать пришлось в узком кругу – среди тех, кто знал дату доставки револьверов, но не знал, что по некоторым причинам доставку отложили на два дня. С предателями и провокаторами разговор был короткий – их казнили и бросали тело в Куру. Товарищи так и собирались сделать.

– Казнить мы его успеем, – сказал Иосиф. – Никуда он от нас не денется. Но сначала пусть принесет пользу. Обстановка сложная. Князь Голицын⁴⁴ с перепугу нагнал в Тифлис войска со всего Кавказа. Шпики землю носом роют, чтобы узнать время и место демонстрации. Мы облегчим врагам жизнь – объявим место и время, чтобы предатель мог сообщить об этом. Потом мы накажем его и изменим место и вре-

⁴³ Эривань – прежнее название столицы Армении города Еревана.

⁴⁴ Князь Григорий Сергеевич Голицын (1838–1907) – главноначальствующий Кавказской администрацией.

мя. Мешать нам все равно станут, но мы получим выигрыш во времени. Хорошо бы еще сделать отвлекающий маневр, пусть за два часа до демонстрации группа из самых надежных товарищей пройдет по Головинскому проспекту. Так мы убьем двух зайцев одним выстрелом. Во-первых, продемонстрируем свою силу, покажем, что мы не прячемся по окраинам, а смело идем по центральным улицам. Нам некого бояться, пусть нас боятся. Во-вторых, разогнав демонстрацию, полицейские и казаки расслабятся, думая, что все закончилось. И тут-то мы устроим им сюрприз!

Сталин предложил для демонстрации самое удобное место и самое удобное время. На Солдатском базаре в полдень. Для тех, кто не бывал в Тифлисе, поясню, что на Солдатском базаре по воскресным и праздничным дням собиралось очень много народу, потому что в эти дни с торговцев там брали половинный сбор. Также Солдатский базар был выгоден для нашей цели тем, что на нем собиралась беднота. В полдень на Арсенале стреляла пушка, выстрел которой был слышен всему городу. Пушечный выстрел – отличный сигнал. Начинается демонстрация на базаре, и, кроме того, в разных местах города проходят небольшие демонстрации, вывешиваются красные флаги, люди кричат лозунги, поют «Вихри враждебные» и другие революционные песни. Создается впечатление, будто весь Тифлис празднует мировой пролетарский праздник.

Демонстрацию на Головинском проспекте возглавил Ва-

но. Сталин с утра ходил по Солдатскому базару и разговаривал с собиравшимися там товарищами, подбадривал их и заодно решал какие-то дела. После демонстрации ему предстояло перебраться на другую квартиру. Было ясно, что от такого открытого вызова, который можно сравнить с брошенной в лицо перчаткой, наместник⁴⁵ и его холуи будут невероятно свирепствовать. Начнутся повальные обыски и аресты. Организация принимала меры, чтобы никто из товарищей не пострадал. У меня был собственный план действий, о котором я расскажу чуть позже.

Без пяти двенадцать Сталин, знаменосец Аракел, я и еще несколько товарищей стояли в центре базара и ждали сигнала. Один из торговцев, взглядевшись в наши лица, вдруг забеспокоился и начал быстро-быстро собирать свой товар. Глядя на него, забеспокоились и другие. Их беспокойство возросло, когда Аракел снял мешок, которым было закрыто знамя.

– Вот и хорошо, – сказал Иосиф, наблюдая за суетящимися торговцами. – Прилавки освободили, будет, куда встать.

Это было очень смело – встать на возвышение для того, чтобы произнести речь. Охранители порядка обычно стреляли в ораторов, которые представляли собой удобную мишень. В такой ситуации, как в тот день на Солдатском базаре, большинство предпочли бы не забираться на прилавки для того, чтобы сказать речь. Большинство, но не Сталин. Его

⁴⁵ То есть Главного начальствующий Кавказской администрацией.

поведение было не бравадой, а сознательным героическим поступком. Он хотел, чтобы его видели и слышали все, хотел показать, что социалисты выступают открыто.

Как только выстрелила пушка, Аракел поднял знамя и начал им размахивать. В разных местах базара над головами людей поднялись кумачовые транспаранты и портреты Маркса, Энгельса и Лассаля⁴⁶. Сталин легко запрыгнул на прилавок и сказал короткую речь. Поздравил собравшихся с праздником, сказал, что только сообща можно одолеть самодержавие, процитировал несколько самых важных фраз из «Манифеста» и закончил словами:

– Долой самодержавную тиранию!

Я начал свои воспоминания с этого славного дня, с того, как Иосиф выступал перед рабочими и как жадно они ловили каждое его слово. В тот день я понял, что вижу истинного лидера, одного из тех, кто приведет нас к победе революции.

Полиция бросилась задерживать демонстрантов, но на площади ей мешали торговцы, собиравшие товары с прилавков и запиравшие лавки. Мы же собрались в колонну и двинулись к Эриванской площади⁴⁷. Меня переполняла невероятная радость. Ни в один из праздников, никогда еще я не чувствовал такого душевного подъема. Демонстрация состо-

⁴⁶ Фердинанд Лассаль (1825–1864) – немецкий философ, экономист и политический деятель. Политические взгляды Лассаля были близки к взглядам Маркса и Энгельса.

⁴⁷ Тбилисская площадь Свободы в то время называлась Эриванской в честь генерала Паскевича графа Эриванского.

ялась! Несмотря ни на что! Мы идем по городу, поем песню! Нас много! С каждым шагом нас все больше. Так оно и было, потому что к нам присоединялись товарищи, пришедшие из других мест, и какая-то часть любопытных. Любопытные, как увидели первого казака, так сразу же исчезли. Мы же вступили в схватку. Знаменосца стараются схватить или подстрелить в первую очередь, так же как и оратора. Но товарищи окружили нас с Аракелом плотным кольцом, и казаки не могли к нам пробиться. Под натиском, теснимые с боков, мы прошли еще сколько-то вперед, но, в конце концов, казакам и драгунам⁴⁸ удалось нас рассеять. В нашей колонне было примерно три тысячи человек, а сражались мы с бо́льшим количеством врагов. Кто-то из наших падал, кого-то хватали, наши ряды таяли, а казаков с драгунами становилось все больше и больше. Демонстрацию не удалось завершить, да и никто на это не надеялся. Мы были рады тому, что смогли сделать. Защищая Аракела, я израсходовал все имевшиеся у меня патроны, но в горячке боя не помню, удалось ли мне хоть кого-то подстрелить. Когда стало ясно, что вот-вот нас схватят, Аракел сорвал знамя с древка, обмотал его вокруг тела, и мы ушли дворами. Домой к тетке в тот день я возвращаться не рискнул, ночевал на конспиративной квартире. К вечеру полиция совершенно озверела. Полицейстер получил хорошую взбучку от наместника и устроил то же самое

⁴⁸ Драгунами назывались кавалеристы, способные воевать как в конном, так и в пешем строю.

своим подчиненным. Всех, кто появлялся на улице в разорванной одежде или с синяками на лице, сразу же хватали. Полицейские ходили по духанам, интересовались, не празднует ли кто Первомай.

На несколько дней организация приостановила работу. Ждали, пока все утихнет. Как только стало возможным, мы напечатали листовку с обращением к рабочим, которое написал Сталин, и распространили его по городу. Несколько прокламаций были расклеены на тумбах Головинского проспекта. На чистую публику они действовали подобно разорвавшейся бомбе. Главной же наградой было то, что о нас написала «Искра»⁴⁹. 22 апреля было названо исторической датой начала открытого революционного движения на Кавказе.

Я на всю жизнь запомнил слова Сталина о важности демонстрации из одной его газетной статьи того времени: «Уличная демонстрация интересна тем, что она быстро вовлекает в движение большую массу населения, сразу знакомит ее с нашими требованиями и создает ту благоприятную широкую почву, на которой мы смело можем сеять семена социалистических идей и политической свободы»⁵⁰.

На демонстрации я познакомился с одним смелым парнем по имени Ашот Аветисов, сыном авлабарского лавоч-

⁴⁹ «Искра» – нелегальная революционная газета, основанная В.И. Ульяновым-Лениным в 1900 году.

⁵⁰ Нелегальная газета «Брдзола», № 2 за 1901 год.

ника. Он погиб в декабре 1905 года, его зарубили казаки⁵¹. Ашот тогда еще не был членом партии, но по духу и образу мыслей это был настоящий марксист. Я оценил смелость, которую проявил Ашот во время стычки с казаками. Спустя несколько дней после разгона демонстрации я зашел к нему домой и пригласил прогуляться. Надо было прощупать человека, прежде чем предлагать ему стать моим помощником. Поговорив с Ашотом, я убедился, что на него можно положиться. Я хорошо разбираюсь в людях, трусов и подлецов обычно вижу сразу. Ашот с радостью согласился мне помогать. Действовать в Тбилиси, в то время наводненном полицией и шпиками, было опасно, поэтому я решил провести «экс» в Кутаисе. Нужда в деньгах тогда была особенно острой. Многие из наших товарищей были схвачены, надо было платить адвокатам и помогать их семьям. Семьи раненых тоже нуждались в помощи, кроме того, нужно было платить докторам и покупать лекарства. Среди докторов было несколько благородных людей, которые лечили наших товарищей бесплатно. Кто по доброте душевной не брал денег с бедняков, кто сочувствовал нам, разделял наши идеи. Но таких было единицы. Большинство докторов, видя, что дело нечисто, запрашивали за свои услуги тройную цену или больше. Для того чтобы они помалкивали, приходилось платить.

⁵¹ 12 декабря 1905 года в Тбилиси была объявлена всеобщая забастовка, переросшая в вооруженное восстание.

В Кутаисе я выбрал для «экса» лучший в городе ювелирный магазин. Нас было двое, и мы могли справиться с этим делом. Пока один держит всех на мушке, другой забирает деньги и самые ценные украшения. Извозчик у нас был посторонний. Мы наняли его, велели остановиться у магазина и ждать. Когда мы выбежали из магазина с револьверами в руках, он понял, в чем дело, но покорно отвез нас туда, куда было велено. Во время «экса» мы были одеты городскими франтами, а после в укромном месте переоделись в крестьянскую одежду и беспрепятственно уехали в Тифлис. Полиция на вокзальной площади и на самом вокзале присматривалась к молодым франтам. До двух крестьян в пыльных латаных чохах⁵² и с такими же латаными хурджинами⁵³ полиции не было дела. Вот бы они удивились, если бы заглянули в наши хурджины. Вместо лепешек и сыра там лежали восемь тысяч рублей и тысяч на сорок-пятьдесят драгоценностей. После этого случая я дал обещание не мелочиться, то есть всегда брать крупный куш. Риск одинаков, а пользы гораздо больше.

Сталин похвалил нас за наш «кутаисский рейд», так он назвал нашу поездку. Он вообще всех нас хвалил в те дни. Было видно, что он рад тому, как прошла демонстрация. Еще бы не радоваться – рабочий класс Кавказа поднял голову и

⁵² Чоха – верхняя мужская одежда из сукна, напоминающая черкеску.

⁵³ Хурджин – разновидность переметной сумы, состоящая из двух частей-мешков и носимая на плече.

заявил о себе как о силе, с которой нужно считаться. После демонстрации на многих тифлисских заводах и фабриках начало улучшаться положение рабочих. Хозяева немного повышали зарплату, улучшали условия, короче говоря, начали заигрывать с теми, кого они еще вчера за людей не считали. Это была капля в море, и совсем не того требовали мы, но все равно это был показатель того, что жизнь изменилась и уже ни один хозяин не позволит себе вытирать ноги о рабочих. Прозвучал первый звонок, предвестник Октябрьской революции.

Сталин сказал, что типографию пока решено устроить в Баку и что главной моей задачей теперь будет добыча средств для организации. Снабжение организации деньгами и оружием было поручено Сталину. Он отвечал за это.

– Надо подобрать боевую группу из четырех-пяти человек, – сказал мне Сталин. – Только будь осторожен, выбирай только тех, на кого можно полностью положиться. Ювелирный магазин – это хорошо, но в казначействе можно взять гораздо больше. А лучше всего брать не силой, а убеждением. Пусть сами буржуи дают.

– Как это? – изумился я. – Сами они разве дадут?

– Смотря как повести дело, – усмехнулся Иосиф. – Я давно думаю одну думу. Вот послушай. Можно обложить всех фабрикантов налогом на партийные нужды. Пусть сами финансируют свое уничтожение. Это будет справедливо, ведь их богатства созданы трудом рабочих. Согласен со мной?

– Я-то согласен, – ответил я, – но согласятся ли буржуи платить такой налог? Очень в этом сомневаюсь. Разве что если пообещать убить в случае неуплаты.

– Это не годится! – возразил Иосиф. – Если пригрозить убить, то фабрикант скорее наймет хорошую охрану, чем согласится платить нам. К тому же многие владельцы заводов живут не в Тифлисе, а в других городах. Их такими угрозами не испугать.

– Но зато в Тифлисе есть их управляющие!

– Что с того? Управляющий – наемный служащий, до него владельцу дела нет. Убьем одного, наймут другого, только и всего. Но у любого капиталиста, Камо, есть одно уязвимое место. Скажи мне, какое?

Иосиф испытующе посмотрел на меня. Я не понимал, к чему он клонит, и потому смолчал.

– Дело, Камо! – сказал Иосиф, когда понял, что ответа от меня не дождется. – Его дело – завод, фабрика, рудники. Дело в Петербург не увезешь, оно здесь – в Тифлисе. Любой капиталист готов на все ради того, чтобы его дело давало бы прибыль. Если мы пригрозим, что в случае неуплаты организуем на фабрике забастовку, владелец заплатит, еще как заплатит! Не «хочешь жить – плати», а «хочешь жить спокойно и получать прибыль – плати». Ты понял?

– Получается, что те, кто заплатит, смогут жить спокойно? – вслух подумал я. – Не боясь, что их рабочие забастуют? Но это же предательство интересов рабочего класса!

– Где ты увидел предательство? – изумился Иосиф. – В чем?

– В том, что мы не будем устраивать забастовки на тех предприятиях, владельцы которых согласятся нам заплатить. Выходит так, что они смогут делать с рабочими все, что угодно, не боясь забастовок!

– Ты такой же глупец, как и Бочоридзе!⁵⁴ – с досадой сказал Иосиф. – Не понимаешь, что это всего лишь тактическая уловка, хитрость. Когда на поле боя войско отступает для того, чтобы завлечь врага в ловушку, это не трусость, а тактическая хитрость. Мы не станем предавать интересы рабочего класса. Как ты вообще мог такое подумать, Камо? Мы пойдем на хитрость. Пусть некоторое время капиталисты платят нам налог, а в нужный час забастуют все предприятия, начнется революция, которая сметет всех капиталистов к чертям! Но пока мы не можем с ними покончить, мы хотя бы их подоим. На благо революции. Ты вообще понимаешь, что такое «хорошо» и «плохо» с революционной точки зрения? Все, что идет революции на пользу – хорошо, все, что во вред, – плохо. Вот так, и никак иначе. Для подготовки революции нам нужны деньги, и не важно, как мы их добудем. Важно то, на что они пойдут. По сути дела, ты грабишь магазины, но разве тебя можно назвать грабителем? Ты сам считаешь себя грабителем?

⁵⁴ Михаил (Михо) Захарьевич Бочоридзе (1873–1913) – грузинский революционер, большевик.

– Нет, не считаю! – уверенно ответил я. – Я не грабитель, а абрек. Отнимаю у богатых и отдаю нуждающимся, себе ни копейки не беру.

– Вот! – обрадовался Иосиф. – В этом-то и дело! Подведу итог. Уплата налога не будет для капиталистов индульгенцией. Настанет час, и их предприятия забастуют. Кроме этого, каждому мы напомним, что пролетарии не скоты, а люди и относиться к ним надо по-человечески. Пусть не думают, что, покупая временное спокойствие, они могут творить все, что им вздумается. Что мы выиграем? Спокойное постоянное получение денег без риска. Когда ты идешь на «экс», ты не знаешь, чем он закончится и сколько тебе удастся взять. А налог можно рассчитать вперед и понимать, сколько мы получим в следующем месяце. Получается и спокойнее, и удобнее. Нам очень важно знать наперед, сколько мы сможем потратить, ведь любая забастовка обходится нам недешево.

– Почему – нам? – снова удивился я. – Это хозяевам она встает в копеечку, а нам-то что?

– Когда я смотрю на тебя, Камо, то иногда вижу взрослого мужчину, а иногда – ребенка, – просто и необидно сказал Иосиф. – Сейчас ты рассуждаешь, как ребенок. Подумай сам: а на что живут бастующие рабочие и их семьи? У пролетариев нет счетов в банках, и сбережения их, если они вообще имеются, весьма скромны. Хорошо, если на неделю хватит. А что дальше? От бедности снова совать шею в ярмо, так ничего и не добившись? Нет, Камо, если уж начинать де-

ло, то нужно доводить его до конца. Бастовать нужно до тех пор, пока требования бастующих не будут удовлетворены. Мы помогаем бастующим, чтобы они не голодали. В августе прошлого года на помощь одним только рабочим железнодорожных мастерских мы потратили две с половиной тысячи рублей. Две с половиной, Камо! Только на железнодорожные мастерские! Забастовка – дорогое «удовольствие». Но толк был – пусть не наполовину, а на треть рабочим мастерских увеличили плату!

Подумав, я признал, что Сталин прав. Действительно, все, что идет делу на пользу, – хорошо.

– Я хочу поручить тебе организацию сбора «налога» с капиталистов, – сказал Сталин. – Работать будешь вместе с Бочоридзе. Он будет вести бухгалтерию. Церковники брали десятину, а мы станем брать пять или семь процентов от прибыли. Это немного. Для капиталиста проще заплатить, чем иметь неприятности. Но если обложить «налогом» весь Тифлис, то в сумме получится много. Что скажешь? По силам тебе такое дело?

– Мне по силам все, что поручит мне партия! – горячо ответил я.

– Вот и хорошо! – Иосиф похлопал меня по плечу. – «Эксами» тоже будешь заниматься, но уже по-крупному. Кое-какой опыт ты приобрел, пора начинать делать серьезные дела.

Я понял, что прежние поручения достать небольшие суммы денег были для меня испытанием и практикой. Серьез-

ные дела – впереди.

В тот день я вернулся домой в столь радостном настроении, что тетка моя решила, будто я влюбился, и пристала ко мне с расспросами. Она уже не раз пыталась заводить со мной разговоры о женитьбе, нахваливала каких-то девушек из числа своих знакомых. Я на это всегда отвечал одно и то же: «Рано мне пока жениться». И в тот раз сказал то же самое. Об этом факте, не имеющем никакого исторического значения, я упоминаю только для того, чтобы перейти к нашему разговору с Иосифом о месте любви в жизни революционера. Кому-то это может показаться маловажным, но для девятнадцатилетнего юноши вопрос любви был очень и очень серьезным.

Любовь и революция

Этот разговор состоялся в мае 1901 года. Толчком к нему послужил трагический случай с одним нашим товарищем, членом партии. Он влюбился в дочь богатого авлабарского купца, та ответила ему взаимностью, но отец о бедном женихе и слышать не хотел. У него на примете был «достойный» жених, тоже купец, почти его ровесник. В отчаянии несчастная девушка отравилась, а ее возлюбленный повесился на следующий день после ее похорон. Этот случай наделал много шума в городе, долго его обсуждали. Большинство сочувствовало несчастным влюбленным, но были и такие, кто их осуждал – вай-вай, причинили такое горе несчастному отцу, опозорили его. Даже от некоторых наших товарищей, тех, кто постарше, приходилось слышать: «Опозорила, нехорошо поступила». Я, когда так говорили, очень сердился. Как «опозорила»? Почему? Если бы тиран-отец не мешал счастью дочери, то она бы честь по чести вышла замуж за достойного, пусть и бедного человека и была бы с ним счастлива. Отец – виновник трагедии, и это он сам себя опозорил. Я очень болезненно воспринял эту трагедию, потому что сам вырос в доме отца-тирана. Среди тех, с кем я спорил, был и Михо Чодришвили⁵⁵. Михо на меня за это обиделся. Ска-

⁵⁵ Чодришвили Михаил (Михо) Иосифович (1853–1929) – грузинский революционер. Столярная мастерская Чодришвили в Тбилиси многие годы служила

зал, что мне, совсем еще мальчишке, не годится спорить с пятидесятилетним, умудренным жизнью человеком. Однажды, когда мы со Сталиным встречались в мастерской Михо, Сталин спросил меня:

– Что это Михо на тебя так сердито смотрит? Чем ты его обидел?

Сталин всегда обращал внимание на отношения между товарищами. Если между ними были какие-то обиды, то он старался примирить их. Правило было такое – нас мало, мы делаем большое трудное дело и должны быть вместе, как пальцы в кулаке. Иначе нам дела не сделать.

Сейчас, когда самое трудное уже позади, я поражаюсь тому, что мы, коммунисты, смогли сделать. Начав с демонстраций и рабочих кружков, мы расшатали опоры самодержавия, свергли его и сумели отбить все империалистические атаки. Без хвастовства скажу – большое дело мы сделали. И если бы мы не были едины, ничего у нас не получилось бы.

– Поспорили мы немного, – сказал я, не желая тратить время на пустые разговоры, нам нужно было обсудить много дел.

Но от Сталина уклончивым ответом не отделаться. Если он спросил, значит, это для него важно. Я рассказал, в чем дело.

– Некому в этой истории сочувствовать, – неожиданно сказал Сталин. – Отец – бессердечный тиран, дочь – исте-

ричная дура, наш товарищ – слабовольный трус. Никто из них не достоин сочувствия. Почему она не сбежала из отцовского дома с любимым мужчиной? Почему он ее не «украл»? Уехали бы из Тифлиса куда-нибудь и жили спокойно. А может, и уезжать не пришлось бы. Когда дочери из дома сбегают, отцы сразу как шелковые становятся, хоть веревки из них вей. Неужели отравиться лучше, чем сбежать с любимым? Или он ей этого не предлагал? Почему? А зачем он повесился?

– С горя, – сказал я.

– Трусость это! – жестко сказал Сталин. – Понимаю, горе, но если каждый с горя вешаться начнет, то скоро людей на свете не останется. У моей матери двое сыновей, моих старших братьев, умерли в младенчестве, это ли не горе? У каждого свое горе...

Я в этот момент вспомнил о моей несчастной матери.

– А о нашем деле он подумал? – продолжал Сталин. – Ему важное поручение дали – поддерживать связь с товарищами в Рустави и Телави. А он взял и повесился. Все равно, что дезертировал! Подумай и скажи, нужно ли ему сочувствовать?

– У него от любви рассудок помутился, – не сдавался я.

– Крепкий рассудок помутиться не может! – возразил Сталин и пристукнул кулаком по столу, давая понять, что этот разговор окончен, пора возвращаться к делам.

Когда с делами было закончено, я встал, чтобы уйти. Мне полагалось уходить первым..Сталин сделал мне знак, чтобы

я остался⁵⁶, и попросил Михо принести вина, сказал, что в горле пересохло. Я догадался, что он хочет помирить нас с Михо. Так оно и было. Но оказалось, что у Сталина была еще одна цель – поговорить по душам со мной.

– Вот ты говоришь – от любви рассудок помутился, – вдруг начал он. – Такая любовь вредна. Любовь должна не с ума сводить, а сил человеку придавать. Вспомни Тариэла и Автандила⁵⁷. Я так считаю, что революционеру лучше воздерживаться от любви, чтобы все силы отдавать нашему общему делу. Семьями лучше обзаводиться после того, как будет свергнуто самодержавие. Пока что лучше быть без семьи, революционеру так лучше. Легче идти на риск, когда знаешь, что ты один и в случае чего твоя гибель никого не осиротит. Опять же – какая семейная жизнь может быть у революционера, который то на нелегальном положении, то в тюрьме, то в ссылке? Так, одно название. Мы ведем борьбу, считай, что мы – мобилизованные солдаты революции. Солдаты не берут с собой на войну жен и детей и не женятся во время службы. Правда, есть одно исключение: если революционер полюбит революционерку, которая живет той же жизнью, что и он, то им можно и не дожидаться свержения самодержавия. Так что, Камо, у тебя два пути – или влюб-

⁵⁶ По правилам конспирации после встреч и собраний расходились не все сразу, а уходили поодиночке, с некоторым интервалом.

⁵⁷ Тариэл и Автандил – главные герои поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой (барсовой) шкуре».

ляйся в революционерку, или подожди пока влюбляться.

Сталин улыбнулся и подмигнул мне, а потом снова стал серьезным и сказал:

– Попроси у товарищей «Что делать?» Чернышевского. Хорошая книга. («Хорошая» означало «полезная для дела, для воспитания революционного коммунистического характера».) Прочитай и скажи свое мнение.

Я слышал об этой книге, только руки все никак не доходили до чтения книг. Дел было много, а в свободное время я читал нелегальные газеты, чтобы разбираться в политической обстановке. Этого требовал, вернее, к этому приучил меня Сталин. Он говорил, что человек, интересующийся только тем, что происходит в его городе, похож на курицу, никогда не покидающую курятника. Поскольку в училище я учился плохо, мне не хватало самых элементарных знаний – по истории, по географии. Какое-то время я мучился-мучился, пытался заниматься самообразованием, но скоро понял, что так ничего не добьюсь, мне нужен учитель. Товарищи познакомили меня с одной девушкой, учительницей, тоже членом партии, товарищем Татьяной. Она сильно мне помогла. Красивая, молодая, но держалась очень строго и заставляла меня сделать то, чего сам я не мог сделать – заниматься регулярно. Бывало, приду домой под утро, ноги не держат, глаза слипаются, все мечты о том, чтобы лечь спать. Но только подумаю, что товарищ Татьяна станет сердиться и ругать меня за невыученный урок, и сон сразу проходит –

начинаю учить.

«Что делать?» я прочел запоем. Хорошая книга, другой бы Сталин мне не посоветовал. На всю жизнь запомнил я слова Рахметова: «Такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею... я должен подавить в себе любовь... я не должен любить...» Для себя я решил, что до нашей победы любви для меня не существует, и правильно сделал. Женись я до революции, никакого счастья своей же не доставил бы, одно только горе. Трудно было следовать этому решению, но я ему следовал неукоснительно. Иногда самого себя за горло брать приходилось, чтобы не сорваться. Но я справился.

Со Сталиным мы потом обсудили «Что делать?» и выяснили, что понимаем эту книгу одинаково. Признаться, я был удивлен, когда в 1906 году узнал о женитьбе Сталина на Като Сванидзе⁵⁸. Только уже после смерти Като мне рассказали, что она тоже состояла в нашей организации, но была очень законспирирована. Она ходила по богатым домам, брала белье в стирку, выполняла заказы на шитье и попутно занималась сбором нужных для организации сведений.

⁵⁸ Екатерина (Като) Семёновна Сванидзе (1885–1907) – первая жена И.В. Сталина, мать его старшего сына Якова. Умерла от туберкулеза через полтора года после выхода замуж.

Налог с капиталистов

Для того чтобы иметь возможность встречаться лично с владельцами и управляющими предприятий, к которым абы кого не пускали, я решил представиться служащим Тифлисского коммерческого банка. Назвался «Симоном Ашотовичем Гаспаровым», купил солидный портфель и научился с ним элегантно ходить⁵⁹. Перед встречами я наклеивал пышные усы. Они придавали мне солидности, старили меня и немного изменяли мою внешность.

Для начала я решил наведаться на табачную фабрику Бозарджянца и сыновей на Ольгинской улице. Подкатил на извозчике, дал швейцару вместе с визитной карточкой полтинник и сказал, что у меня есть выгодное деловое предложение к хозяину. Меня тут же провели к старшему брату – Ивану Николаевичу. Обстановка в его кабинете была такой роскошной, что я решил – не семь, а десять процентов пусть платит! Видно же, что в золоте купается. Муж моей тетки был богатым человеком и умел пустить пыль в глаза, но в его доме такой роскоши не было.

Бозарджянц держался так важно, будто был кавказским наместником. Указал мне рукой на стул и уставился на меня выжидательно – говори, что у тебя за выгодное дело.

⁵⁹ В дореволюционное время у портфелей не было ручек, их носили под мышкой.

Я подготовился, прежде чем наносить визит. Узнал у Бочоридзе, сколько человек работает на фабрике Бозарджянцев, какой примерно доход дает фабрика и торговля в двух собственных магазинах. Полученные сведения я «проверил» у теткингого мужа. Того хлебом не корми, дай только посплетничать о том, кто сколько стоит и кто какой доход имеет. Я в разговоре мимоходом сказал, что очень уж много развелось в Тифлисе табачных фабрик (их на тот момент было шесть), наверное, они мешают друг другу. В ответ услышал все, что мне было нужно. То, что сказал Бочоридзе, и то, что я узнал у Бахчиева, примерно совпало.

Бозарджянц на меня смотрел, а я на него и тоже молчал, присматривался к нему, чтобы понять, как следует повести разговор. Он не выдержал и первый заговорил.

– Ну! – грубо сказал он. – Говорите же, что у вас за предложение! Время дорого!

Меня это «ну!» сильно задело.

– Есть кое-что, что дороже времени, – таким же грубым тоном сказал ему я. – Это спокойствие. Когда у человека на душе спокойно, это дороже всего.

– Вы что, шантажировать меня пришли?! – «догадался» Бозарджянц. – Если так, то убирайтесь вон, пока я полицию не позвал!

– Не шантажировать, – говорю я, – а предложить. Фабрика у вас большая, почти триста человек на ней работает. Доход она приносит хороший. Если рабочие забастуют, убыток

тоже будет хороший...

Он мне снова:

– Так вы все-таки шантажист! Вон!

Когда Сталин мне про работу в кружках разъяснял, он среди прочего сказал и о том, что с каждым человеком надо говорить на его языке. Не в том смысле, что с армянином на армянском, а с грузином на грузинском, а в том, что с простым человеком нужно говорить по-простому, так, чтобы он тебя понимал. Я этот совет понял в более широком смысле. Ты мне «ну!» говоришь и вон гонишь? Получи то же самое и с процентами!

– Заткнись! – рявкнул я и хватил кулаком по столу так, что крышка на чернильнице подскочила. – Заткнись и выслушай меня до конца!

Он к такому обращению не привык. Как же – хозяин, богач, старший сын. Если только отец мог на него голос поднять, и больше никто. Опешил, умолк, сидит и глаза на меня пучит. На шум кто-то заглянул в кабинет, но Бозарджянц только бровью повел, и дверь закрылась. Ай, думаю про себя, молодец ты, Симон-джан, правильно разговор продолжил. С такими так и надо. Я потом не раз этот способ использовал в общении с буржуями. Как начинают грубить и орать, я им еще большую грубость в ответ. Всегда срабатывало.

– Хочешь, чтобы фабрика работала без забастовок, плати нам каждый месяц десять процентов от прибыли, вот такое у меня предложение, – говорю ему. – Очень выгодное.

Иосиф сказал, что в случае отказа нужно сразу же устраивать показательную забастовку, иначе нас всерьез воспринимать не будут. На фабрике Бозарджянцев забастовку устроить было так же просто, как яблоко съесть, потому что они своих работников штрафами замучили крупными. Опоздал – штраф, заболел и на работу не вышел – тоже штраф. Если кто-то из их рабочих заболел, то жена сначала на фабрику бежала, мастеру сообщить, чтобы штраф за прогул не выписывал, а после уже за доктором. Говорили, что штрафы у Бозарджянцев отдельной статьей дохода в бухгалтерии значатся. У других табачных фабрикантов посвободнее было, а Галегов, например, вообще никого не штрафовал. Но у него и фабрика была маленькая, одно название, две дюжины работников всего. Там и отношения были свойские.

– Позвольте узнать, – уже вежливо спросил Бозарджянц, – а кому это «вам»?

Я ему так же вежливо ответил:

– Если вы подумаете как следует, то сами ответите на свой вопрос. 22 апреля вы в городе были или уезжали куда-то?

Он все понял. Дернул себя за ус и говорит:

– Десять – это много. Могу дать три процента.

У меня чуть сердце не остановилось от радости. Получилось! Все получилось! Раз торговаться начал, значит, все понял. И десять процентов я правильно назвал. Должен же быть запас для торга, с этой публикой без торга ни о чем не договоришься.

Сторговались мы на семи процентах. Первый взнос мне Бозарджянц прямо сразу и сделал.

– Расписку напишите, пожалуйста, – попросил.

– Мы расписок не пишем, – ответил я. – В нашей среде людям принято на слово верить. Да и что вам даст моя расписка? Вы с ней что, к мировому пойдете?

Мы после долго с товарищами смеялись над этой распиской. Сами друг над дружкой тоже стали подшучивать: «Напиши-ка мне расписочку».

От Бозарджянца я поехал к другому крупному табакопромышленнику – Сафарову. Того в конторе не оказалось – приболел. Ничего, подумал я, дома еще удобнее разговаривать, и поехал к нему домой на Гановскую. Решил, что если он серьезно болен, так не примет меня, а если накануне вина перепил, то можно и поговорить, ничего страшного.

Моя догадка оказалась верной. По опухшей физиономии Сафарова было видно, что накануне он хорошо кутил. Принял меня в халате, на столе – графин с коньяком, абрикосы сушеные, изюм. Мне первым делом коньяку предложил. Я пожелал ему здоровья, выпил и сказал, зачем пришел.

– Это вы напрасно, – спокойно сказал мне Сафаров. – Мои рабочие не бастуют. Я плачу им хорошо, рабочий день у меня короче, чем на других фабриках, штрафов нет, обращение вежливое. Люди всем довольны, живут, словно в раю, а довольного работника даже силой бастовать не заставишь.

У него на фабрике условия действительно были чуть луч-

ше, чем на других, но райскими их назвать было нельзя. Какой там рай! Скорее каторга.

Я распрощался и ушел. На следующий день мы начали готовить забастовку у Сафарова. Начали ее в понедельник. Небольшая часть работников выходила на работу, но большинство не работали, фабрика встала. Требований было два – увеличить плату на треть и сократить рабочий день на час. Сафаров бегал по фабрике, кричал, что у него и без того самые лучшие условия в Тифлисе и что он знает, почему на самом деле началась забастовка, но это не помогло – забастовка продолжалась. Рабочие, поддерживаемые нашей организацией, были настроены решительно. Удивительно, но даже полиция была на нашей стороне не на словах, а на деле. От наших осведомителей нам стало известно, что полицмейстер пригласил Сафарова к себе и устроил ему выволочку за то, что он сейчас, в такое трудное время, то есть сразу же после демонстрации 22 апреля, озлобляет рабочих. Власти, напуганные тем, как мы выступили в тот день, боялись худшего.

Сам найти меня Сафаров не мог, а я намеренно не торопился с ним встречаться, отложил это дело до пятницы, чтобы упрямый фабрикант успел бы «созреть» для повторного разговора. В пятницу с утра я приехал к нему в контору.

– Это настоящий разбой, но я вынужден согласиться! – сказал Сафаров. – Вы выкручиваете мне руки. Но принять ваши условия я не могу. Десять процентов это очень много!

– Вы примете не только наши условия, но и условия ваших

рабочих! – ответил я. – Сами виноваты, можно было бы не доводить до забастовки. И скажите спасибо, что мы теперь не требуем пятнадцать процентов.

Если уж говорить честно, то Сафаров заслуживал скидки, а не надбавки. Его пример убедил других, что с нами лучше не спорить. Он повсюду рассказывал, что к нему приходил «человек от социалистов», то есть делал нам рекламу. Новость мгновенно разнеслась по городу, и те, к кому я приходил после Сафарова, обычно сразу же соглашались. Мало кого приходилось вразумлять при помощи забастовок.

Окончательный итог торга с Сафаровым был таким – ежемесячно десять процентов от прибыли он платит нам, плату рабочим повышает на двадцать процентов, а рабочий день сокращает на полчаса. В субботу фабрика возобновила работу.

Налог с буржуев был для партии хорошим подспорьем. Со временем наши товарищи стали собирать его по всей империи, но начало было положено в Тифлисе, и эта идея принадлежала Сталину. Об этом сейчас никто не вспоминает, а я считаю своим долгом напомнить. И делаю это не потому, чтобы сказать: «Я тоже к этому причастен», – а для того чтобы показать, сколько ценного сделал для победы революции товарищ Сталин.

Полностью весь Тифлис обложить налогом нам не удалось, но большинство промышленников регулярно пополняли партийную кассу. Мне нравилась ирония, проступающая

во всем этом — выходило так, что буржуазия сама оплачивала подготовку к ее свержению.

Капиталист — это капиталист. Если появляется возможность навредить конкуренту, капиталист непременно попытается ее использовать. Меня и других наших товарищей буржуи не раз пытались натравить на конкурентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.